

Светлана Рассказова

Акварели любви

Светлана Рассказова

Акварели любви

«Издательские решения»

Рассказова С.

Акварели любви / С. Рассказова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745813-3

В книге много рассказов о любви. Есть грустные, смешные, романтические, фэнтези, но в каждом обязательно душа и сердце автора. Читайте с удовольствием!

ISBN 978-5-44-745813-3

© Рассказова С.
© Издательские решения

Содержание

Летучие Голландцы	6
Попутчик	6
Забытая любовь	9
Дурная память	14
Подстилка	19
Геравера	27
Любовь пионервожатой	35
Сказание об Анне	43
Графинюшка	51
Курсистка и городской	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Акварели любви

Светлана Рассказова

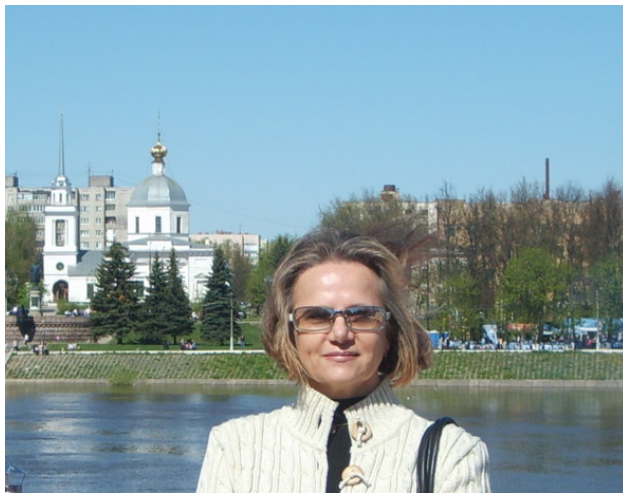
Иллюстратор Роман Ряслов

© Светлана Рассказова, 2019

© Роман Ряслов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-5813-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Все мы знаем, что искусство – это неправда.

Оно ложь, которая делает нас способными осознать правду».

Пабло Пикассо

Летучие Голландцы

Попутчик

Дневной поезд из Санкт-Петербурга в Москву отошёл точно по расписанию. В одном из купе расположились три дамы.

Самая молодая из них, живая по натуре девушка, быстренько пристроила свою немаленькую сумку, уселась у окна, подпёрла симпатичную мордашку кулачком и, проявляя нетерпение, с интересом поглядывала на попутчиц, как бы вопрошая: «Что вы там суетитесь так долго? Пора бы уже уgomониться и поболтать!»

Другая, красивая и яркая женщина лет тридцати, присела рядом с девушкой. Но её задумчивый и серьёзный вид совершенно не располагал к общению с незнакомыми людьми. Хотя давно известно, что дорожные разговоры ни к чему не обязывают, это наилучший способ выговориться, нагрузить посторонних своими проблемами, облегчить душу, а после услышанное и сказанное забыть навсегда.

Третья, самая старшая из пассажирок, переодевшись в спортивный костюм, основательно расположилась на нижней полке. Женщина достала съестные припасы, выложила их на столик, а потом предложила попутчицам познакомиться, расположив их к беседе в дальней дороге.

– Еду к своему парню. Он служит в Твери. Написал, что соскучился, просил навестить и привезти чего-нибудь вкусненького. Вот... Везу целую сумку всяких гостинцев, – приветливо улыбнувшись, тут же отозвалась девушка. – Мы с ним знакомы с раннего детства и знаем друг друга как облупленные. Расстались первый раз в жизни, а потому очень переживаю: не нашёл бы он там новую подружку. Любят его девчонки за игривые глазки! Вы женщины уже взрослые... Как думаете, выдержит ли он испытание разлукой?

Самая старшая женщина не стала разочаровывать ответом:

– Если любит по-настоящему, то выдержит. У меня на этот счёт не такой уж богатый жизненный опыт. Это вам, милая девушка, я кажусь очень взрослой и даже старой. На самом деле, мне всего сорок лет и у меня те же вечные вопросы о любви... Сейчас еду к своему однокласснику, за которого двадцать лет назад чуть не вышла замуж. Расстались с ним тогда из-за глупой и пустой ссоры, а недавно списались по Интернету. Что будет, что случится, чем сердце успокоится? Не ведаю! Бросила семью, Джульетта великовозрастная! И несусь навстречу с прошлым. С виду спокойная и обстоятельная, а в душе всё кипит... Так что впору спрашивать совета «за жизнь» у молодых, а не раздавать рекомендации самой.

Красивая дама, немного смутившись, тоже вступила в разговор.

– Не хотелось мне откровенничать с посторонними, только разговоры ваши абсолютно в тему с моим нынешним внутренним состоянием. В этом поезде я бегу от любви! Сердце разрывается на части, но не хочу строить своё личное счастье, разрушив чью-то семью. Так получилось, что я влюбилась в красавчика начальника и влюбила его в себя. Он человек семейный и очень обеспеченный. Я могла бы всю жизнь бежать рядом с ним довольной «собачкой».

Но не хочу! Для меня это оскорбительно и унизительно. А требовать от женатого мужчины только своего участия в его жизни – боюсь. Боюсь наказания свыше! Вот и решила уехать из родного города, порвать с прошлым и попробовать начать новую жизнь... Но без него!

Выговорившись, наши дорожные подружки замолчали. Каждая погрузилась в свои мысли, сопоставив услышанные истории с собственными.

Приближались к Бологому...

Неожиданно с верхней полки спустился парень. До этого момента он как будто спал, не обратив внимания пассажирок на собственную персону. Они с удивлением посмотрели на интересного и видного молодого человека и застеснялись своих откровенных разговоров в присутствии незнакомца. Парень понял, что произвёл впечатление, улыбнулся и обратился к девушке:

– Не торопитесь с выбором спутника жизни! Вас ждёт большое разочарование. Придётся распрощаться с детской мечтой и будет лучше, если это произойдёт как можно скорее. Поверьте! Это не ваш человек и не ваша судьба! Вы ему не мать и не жена, а везёте сумку с едой. Что за необходимость? Не бегите! Остановитесь и подумайте.

Потом он серьёзно посмотрел на интересную даму и изрёк:

– Наступить на собственное чувство очень непросто и болезненно для каждого. Только начальник не останется надолго страдающим без вашей большой любви и быстро найдёт себе другую преданную «собачку». Правильно сделали, что решили изменить жизнь. Сердечная рана заживёт. И настоящий орёл ещё встретит свою орлицу в хорошее время и в достойном месте.

Затем улыбнулся и обратился к самой старшей женщине:

– А вам я вот что скажу! Может и есть смысл встретиться с прошлым, но только для того, чтобы оценить настоящее. И вы это сделаете! Прощайте, милые дамы! У каждой из вас собственная судьба в своём маленьком кулачке. Держите её и не разбрасывайте кусочки жизни осколками по сторонам. Она так коротка! Успевайте радоваться. Счастливого пути!

Поезд остановился. Незнакомец вышел.

Наши женщины испытали шок от внезапной встречи с таким рассудительным и внимательным молодым человеком.

Когда состав тронулся, к ним в купе вошла проводница. Увидев незаправленную постель на верхней полке, она поинтересовалась, кто из пассажирок там отдыхал.

– Там спал парень, но он вышел, – ответила молоденькая девушка.

– Билет на это место не продан, – удивлённо пожала плечами проводница и спросила, – а как он выглядел?

Дамы с удовольствием составили устный портрет на незнакомца, который принял участие в их разговоре и дал каждой добрый совет. Проводница обомлела от услышанного и поведала женщинам загадочную историю...

– Уже несколько лет по дорогам России путешествует инкогнито молодой и очень красивый мужчина незамеченный в воровстве и другом криминале. Его прозвали «Летучим Голландцем». Обычно он устраивается на верхней полке и так едет какое-то время. А перед выходом обязательно вмешается в разговор попутчиков и даст доброе наставление или пожелание. Никто и никогда из проводников его не видел. Но за проезд он незаметно расплачивается неувядающей розой. Я думала, что это одна из легенд о железной дороге, а оказывается история настоящая!

– Тётя Лида! Значит, вас он оставил без розы? – с сожалением проговорила девушка, успевшая познакомиться с хозяйкой вагона.

Проводница с волнением посмотрела на изумлённых дам и заторопилась в своё рабочее купе...

Там, на столике, в стакане с подстаканником уютно расположилась, источая аромат, необыкновенно нежная чайная роза...

Забытая любовь

Ах, как замечательно!
Снег и покой. Умиротворённость и тишина.

На минуту она застыла у своего подъезда.
Вот такую зиму любят все: не холодно и красиво!
Во дворе на детской площадке пусто.
Понедельник. Утро.
Ребятишки, кто в садиках, кто в школе и снежная простыня пока сияет белизной.

Но... что это?
Прямо по диагонали через весь двор, нарушая чистоту и негу, грузно шагает мужичок, толкающий скрипящую, чуть живую тележку, издающую всю звуковую гамму одновременно.

«Бомжара, – определила Лида, – чего-то насобирал и весь из себя счастливый идёт сдавать. Как много стало таких людей! Ведь и нестарый ещё, – продолжала она рассуждать».

А бомжара, приблизившись к ней, остановился и произнёс:

– Матерь Божья! Глаза, что небеса!

Лида онемела...

Странно было получить комплимент от человека непохожего на нормального: с торчащей во все стороны бородёнкой, одетого в поношенное пальто, обутого в женские суконные старые сапоги, с рюкзаком за плечами, тощего и, вероятно, очень голодного. И вот это непонятное существо остановилось прямо перед ней и рассыпалось в любезностях! С чего вдруг? И как много о себе мыслит, однако! Может просто обознался? Или решил денег попросить? Так у неё и сумки с собой нет: приболев, два дня из дома не выходила, а сегодня с третьего этажа за почтой спустилась, заодно на улицу выглянула – свежего воздуха глотнуть да на снежную красоту полюбоваться.

Но бомжара денег не просил, а продолжал удивлять дальше:

– Знай! Если что, я не женат...

В один момент глаза Лиды приобрели форму теннисных мячиков!

И почему-то сразу после этих слов мужичок, скосив взгляд на остановившуюся у соседнего подъезда иномарку, резко развернулся и засеменял со своей поющей на все лады телегой в сторону, откуда пришёл.

А из машины вышел молодой человек с кожаной папочкой в руках и на всех парах ринулся за ним.

– Чего он тебе говорил-то? – услышала Лида рядом с собой голос вездесущей соседки с первого этажа?

– Даже не поняла. Что-то про Матерь Божью и небеса, – ответила Лида. О неожиданном предложении незнакомца руки и сердца она смолчала. Ерунда какая-то! Потом не отмыться...

– Помнишь, у нас в сараюшке бомж жил, – продолжала соседка, – мы ещё его всей общагой подкармливали, одевали, обували. Так ведь пропал! А говорят, жена у него была и дети. Почему люди так опускаются?

– Мало ли... Может, из тюрьмы вышел, а податься некуда, а может, по семейным обстоятельствам, – поддержала разговор Лида, – пойду я! Не застудиться бы, только-только поправилась.

– Иди, конечно! – отпустила добрая соседка.

...Лида жила в четырёхэтажке, имеющей статус общежития семейного типа, очень и очень давно. Жила тихо и скромно. Соседям дурными поступками не докучала, поскольку их просто не совершала. Росла в детдоме и сразу после школы, получив от города комнату, устроилась проводником на железную дорогу. О своих родителях ничего не знала и не пыталась узнать. Зачем терзаться попусту? Если бросили, значит, не была нужна, а если умерли, то пусть оберегают её «оттуда»...

Сначала работала под неусыпным взором своей наставницы, толстой и очень неприятной тётки, которая всю грязную работу свалила на молоденькую стажёрку, а сама только проверяла билеты да отоваривала пассажиров чаем, имея пусть маленький, но прибыток. Только наставники регулярно менялись, а через год их место заняли напарники. Это уже было не так уютно и более достойно.

С детства характер у Лиды сложился уживчивый, несклочный, умела стерпеть и забыть обиду. В детдоме иначе не выжить! Все лидеры и свободолюбцы оттуда просто сбегали в поисках более яркой и интересной жизни. А нашей тихоне бежать было некуда и незачем.

Ей было двадцать пять, когда страна забурлила, и жизнь стала меняться. Но новые рельсы в капиталистическое завтра не придумали, и Лидия по-прежнему оставалась хозяйкой в тех же вагонах, тех же поездов, мчащихся с той же скоростью по старым дорогам.

Личное – для неё тоже оставалось незыблемым. Сначала надеялась, что и у неё будет семья. Ведь симпатичная, стройненькая! Потому спокойно ждала, когда тот единственный пассажир войдёт в вагон, она его обязательно узнает, он останется с ней, и как хорошо они будут работать вместе, делясь своим счастьем с путешественниками. Но пассажир, вволю наговорившись и излив перед приятной проводницей душу, выходил на своей остановке и больше в её жизни не появлялся. Само собой получилось, что к одиночеству стала привыкать, да разве можно назвать одиночеством бесконечные поездки в пассажирских поездах!

А нерастраченную материнскую любовь и нежность дарила детям подружки, которая по молодости жила в одном с ней общежитии, а после замужества переехала в большую квартиру своего благоверного, удачно устроившегося в новой жизни.

Какое-то время странный разговор с бомжом не выходил у Лидии из головы. Она пыталась вытащить из памяти все бывшие знакомства с парнями и мужчинами, пыталась припомнить похожего на него пассажира, но такого человека не находила.

Потом картинка пропала. Ежедневная суета и работа закрашили то зимнее утро разноцветной гуашью, эпизод в скором времени забылся... Но в жизни всегда и всему бывает продолжение или завершение, как в предложении, которое невозможно без какого-либо знака препинания.

...Наступившее лето стояло жарким, даже очень жарким. В новостях часто сообщали о лесных пожарах, загазованных городах и пересохших реках. Но в самом конце августа значительно похолодало и пошли дожди, а вместе с ними народились белые грибы, причём появилось грибов столько, что собирали их не просто в корзинки, а в багажники автомобилей, прицепы и кузова.

Подруга Лиды пригласила её погостить на выходные в свой загородный дом и заодно заняться сбором белых, поскольку с каждым дождичком их становится всё больше и больше: прямо нашествие какое-то! Подруга обещала, что собранные грибы они сразу отварят, чтобы удобней везти, а по приезду их можно будет переложить в холодильник. А после... Зимой... На слюнки изойдётся!

Пару раз они вместе сходили в ближайший лес, набрали по большой корзине отличных беленьких и Лида, войдя в азарт, решила ещё разок сбегать до знакомых полянок, пока хозяйка чистила и отваривала собранные впрок боровички.

Корзинка заполнилась быстро, и можно было возвращаться в дом своей знакомой, как потянуло дымом, и сквозь стволы деревьев она увидела неухоженную деревню, состоящую из нескольких старых домов. Самого последнего уже не было, вместо него зияло чернотой свежее пожарище, а над ним продолжали тянуться тонкие струйки сизого дыма.

Деревенька очень отличалась от посёлка, где имела дом подруга. Это был «артефакт» времён социализма с заросшей травой полем и пашней.

Не зная отчего, но Лиде захотелось пройтись по улице этой деревни. Она шла и думала, что когда-то сюда приезжали городские жители и помогали колхозникам с уборкой урожая, а теперь всё заглохло, ничего никому не нужно: ни эта земля, ни люди, живущие на ней...

Неожиданно, из глубины одного двора, в глаза брызнуло яркое пятно палисадника, показавшееся совершенно неестественным, рядом со сгоревшим домом.

Было очень странно... Среди разрухи, бурьяна и пожарища сам по себе жил и цвёл маленький рай в виде вполне ухоженного домика, выкрашенного в ярко-синий цвет с белыми наличниками и металлическим петушком над трубой. А вокруг домика – полное разноцветье: георгины, розы, флоксы, цветущие выюнки, в сторонке маленькими солнцами горели топиамбуры, тут же имелся небольшой и тоже ухоженный огорожок. Всё это казалось нереальным, из другого мира и другой жизни...

– Сколько у вас цветов! – воскликнула Лида, увидев сидящую на скамеечке у ворот старушку, – можно водички?

– Чего же нельзя, пойдёте я вас напою, – старушка на удивление легко поднялась со скамеечки и пошла в дом.

Лида отправилась за ней, оставив корзинку у ворот.

– Какая вкусная вода. Спасибо! – напившись, она опять выразила своё восхищение цветником и поинтересовалась, – дом рядом сгорел, вы, наверное, испугались?

– Не успели, – старушка покачала головой, – домишко было очень ветхим, сгорел за минуту! Уж два дня прошло, а пахнет до сих пор. Ветра не было, потому нас не задело.

– Кто-нибудь пострадал?

– Нет. Хозяин успел выскочить...

– Повезло, и где же он теперь будет жить?

– Мы его в нашу старую баньку пустили. Деревенские приглашали к себе, но он же – перекасти-поле! То из дома не выходит, всё чего-то мастерит, говорит, какой-то там двигатель. Вечный, что ли... А то снимется и уйдёт на неделю или две. Бродит и бродит, бродит и бродит! Всё чего-то ищет.

– Выходит, грамотный – раз в железках разбирается.

– Грамотный-то грамотный, да за себя постоять не смог, – с сожалением сказала старушка, – живёт без документов.

– Бывает, – Лида даже не удивилась, – в городе тоже такие есть.

– Так и этот из города. Была у него там комната, но ушлые люди отобрали, сюда завезли и бросили. Вот и живёт здесь! По-соседски его подкармливаем, а он за это моему старику помогает. Вместе печку переложили, колодец почистили, дом починили. Всё чего-то мастерят на пару. Мой-то сейчас до магазина в соседний посёлок ушёл. Я его у дома на скамеечке обычно поджидаю.

– Понятно. Хорошо, что вы рядом такие... Помогаете человеку.

– Гляди, что я нашла сегодня на пепелище, – старушка встрепенулась, быстренькими шажками направилась к комоду и вытащила из верхнего ящика железную коробочку, – всё сгорело, а коробочка цела осталась! А в ней фотография девушки. Красивенькая! Посмотри-ка, – и старушка, достав фотографию, показала её госте.

Лида обомлела и даже не сразу поняла, что к чему, узнав в девушке себя. Таких снимков у неё самой не осталось, все давно раздала бывшим друзьям.

– Да, – тихо промолвила она, – красивенькая и очень молоденькая.

– Видишь, как получилось! Наверное, хозяин любил её сильно, раз даже в огне не сгорела.

– Наверное. Мне пора. Подружка волноваться будет. Она в посёлке живёт. Я к ней по грибы приехала, – неожиданно засобиралась Лида.

– Успеешь! Пойдём снимок в баньку снесём. Посмотришь, как там наш мастеровой устроился, – и старушка, почему-то усмехнувшись, очень внимательно глянула на Лидию.

– Пойдёмте, посмотрим.

По дорожке, меж картофельных рядков, они подошли к баньке и открыли дверь. Лида увидела крохотное, вполне жилое помещение. Старушка установила фотографию на скамеечку, прислонила её к малюсенькому окошку и, вздохнув, удовлетворённо молвила:

– Вот так.

Они попрощались. Лида взяла свою корзину и, сокращая путь, свернула с деревенской дороги, решив вернуться домой через лес.

Она шла и плакала...

Так быстро прошла жизнь! Ей пятьдесят недавно исполнилось, а кроме подруги с детьми никого более близкого не нашлось. Если бы не эта фотография, она бы никогда не вспомнила того молодого солдата, который, отслужив, ехал в её вагоне. Лида даже влюбилась в него тогда и получила пару писем, а взамен послала этот самый снимок. И больше ничего не было. А он? Выходит не забыл, раз до сих пор его не выбросил. И что? Любил и просто ждал? Чего? Так всё в жизни непросто...

Сходила по грибочки! И зачем они ей?

А по единственной деревенской улочке, к домику в цветах, тихонько вышагивали и о чём-то разговаривали между собой уже немолодой, плохо одетый мужчина, с набитым разным железом стареньким рюкзаком через плечо, а рядом с ним очень приятный седой старичок, в чистой белой рубашке и с пакетом полным продуктов.

Дойдя до сказочного домика, старичок бросился рассказывать своей жене новости, услышанные в поселковом магазине, а мужчина направился в баньку, где его определили на жительство.

Открыв дверь своего нового жилища, он замер...

Там, на скамеечке, в стакане с подстаканником уютно расположилась, источая аромат, необыкновенно нежная чайная роза. А рядом с ней он увидел фотографию любимой девушки...

Дурная память

- Будем праздновать? – Игорь многозначительно улыбнулся.
- Будем, – кивнула Вика, чувствуя, что сказка началась.

Молодые люди были знакомы полгода. Будучи вполне самостоятельными, общались между собой легко и просто, не напрягая друг друга житейскими проблемами. Она училась на третьем курсе пединститута, подрабатывая в свободное время в магазине МТС, он работал менеджером в солидной фирме, занимаясь продажей автомобилей.

И сегодня вечером, сидя за столиком уютного городского кафе, Игорь готов был сделать официальное предложение руки и сердца, а Вика – его принять.

Официант давно принёс заказанные блюда, уже была выпита бутылка белого вина, маленький оркестр играл одну за другой томные мелодии, молодёжь в зале заметно оживилась, появились танцующие парочки. И Вика занервничала...

Ожидание сменилось напряжением: ну когда же это случится? Когда? Может, с намёком пошутить: «Колечко, колечко! Заждалась на крылечке!» Потом передумала, решила на минутку выйти в дамскую комнату, чтобы посмотреть на себя в зеркало и успокоиться.

А вернувшись, Игоря за столиком не застала! Оглядела зал и увидела его танцующим с симпатичной блондинкой.

Настроение, конечно, испортилось, но она сдержалась, глотнула воды и неожиданно почувствовала лёгкое прикосновение чужой руки на своём плече.

– Вам лучше уйти, – прозвучало будто издалека, и она встретилась с холодным взглядом молодого интересного мужчины с тоненькими усиками, одетого в строгий костюм.

В другое время Вика обязательно бы спросила: «Почему?», а может быть даже: «С какой стати?», но в эту минуту молча встала и вышла из кафе.

Дома она сразу легла спать без всяких переживаний, а проснувшись утром, задумалась...

Вчера она спокойно ушла, и Игорь этого не заметил. Что с ним случилось? Внезапная вспышка новой любви или встреча с прошлой? Значит, её уже разлюбил? Хорошо ли она его знала? И откуда взялся «этот»? С усиками? Станный такой! Удивительно, но она прислушалась к его совету.

Вика набрала номер телефона сокурсника, который подрабатывал официантом в том самом кафе.

- Привет, Эдик!
 - Привет! Ты чего вчера сбежала?
 - Представляешь? Облом! Уже хотела платье белое покупать. Думала, вот оно – счастье!
- И вдруг...
- Не жалею! Было смешно!

– Смешно?

– Угу! Я глянул – тебя нет, а твой Игорь усаживает блондинку за ваш столик, и она делает грандиозный заказ: всё только самое дорогое. Потом они опять танцуют, парень буквально млеет на глазах.

– Говоришь, млеет? – Вика горько усмехнулась.

– Не переживай! Не стоит он тебя.

– Почему?

– Пришёл-то он с тобой...

– Пришёл со мной. А ушёл?

– А ушёл ни с кем!

– Даже так?

– Именно! Блондинка поковырялась в каждом блюде, будто нарочно. Я ещё подумал: зачем заказывала? А после встала и тоже ушла.

– Не повезло женишку. А что смешного-то было?

– А то, что заказ его пассии обошёлся в кругленькую сумму. Наличных ему не хватило, карточки с собой у него почему-то не оказалось.

– Странно. Обычно он при деньгах.

– Мало ли... Так вот! Пришлось вызывать такси, Игорь повёз нашего человека к себе домой, чтобы расплатиться за ужин и за машину в оба конца. Обошлось без полиции, посочувствовали мужику, но физиономию твоего кавалера не забыть. Вот уж действительно облом – так облом!

Какое-то время Вика была в трансе, но постепенно стала забывать этот неудачный эпизод из личной жизни, тем более, что учёба и работа не оставляли времени для хандры, а молодость и друзья быстро помогли справиться с несложившимся романом.

Красивая и приятная в общении девушка одна гуляла недолго...

Андрей был старше и выглядел вполне респектабельно, работая в сфере финансовых услуг. Он уговаривал Вику бросить подработку в магазине, предлагая оплачивать её учёбу в институте. Она уже хотела согласиться, но, вспомнив Игоря, решила не торопиться с ответом.

Романтическая прелюдия отношений заканчивалась, приближаясь к своему естественному финалу, и девушка опять стала подумывать о белом платье.

Как-то Андрей пригласил её в театр. Они уселись на лучшие места в партере и собирались уже выключить мобильники, как телефон Андрея зазвонил. Тихонько разговаривая, он стал меняться в лице, потом шепнул на ухо Вике:

– Оставайся на месте! Мне нужно уйти. Всё объясню после!

Девушка досмотрела спектакль, Андрей не появился. Выходя из театра, сквозь толпу нарядной публики, она мельком увидела знакомое лицо с тоненькими усиками. Её сердце ёкнуло от нехорошего предчувствия...

Андрей не звонил и не отвечал на звонки. Обо всём она узнала из сообщений по телевизору. Банк, где он работал, закрыли, а владельцы и некоторые служащие были либо арестованы, либо скрылись за границей.

После этого случая, Вика долго находилась в расстроенных чувствах и, проходя мимо магазинов со свадебными атрибутами, отворачивалась и смахивала невольные слёзы. А вспоминая того – с усиками, думала: «Кто он? Чёрт или ангел?»

Окончив институт, Виктория устроилась на работу по специальности. Обожала свой предмет – математику, ей нравилось учительствовать, любила детей и прекрасно с ними ладила.

Но вот личная жизнь не складывалась. Институтские друзья переженились, а в школе молодых мужчин явно не доставало, потому думы о собственной семье отвлекала интересная работа.

Только, как водится, Его Величество случай помог встретиться с новой любовью. Это произошло на родительском собрании в 7«Б», где она была классным руководителем. Заметила, что уж больно молодой папаша сидит за первой партой и не сводит с неё глаз. Даже испугалась: заводить романы с родителями своих подопечных в её планы не входило. Но оказалось – это не папаша, а старший брат одного из учеников.

Сразу после собрания Валерий, так звали молодого «родителя», предложил себя в провожатые и Вика согласилась. Болтая, они подошли к её дому, а дальше – приглашение на чай, и в первый же вечер он остался до утра, а после переехал к ней навсегда. Возможно, вышло не как в романах, без свиданий под звёздным небом и коленопреклонением, но уж как вышло. Тем более, что разного рода ухаживания у неё были раньше.

В отпуск к морю они отправились вместе. Прежние Викины страхи ушли, она успокоилась, ещё более похорошела: как оказалось, можно быть счастливой и без «белого платья» и особых торжеств, а просто, скромно расписавшись. Главное любить и быть любимой

Лето только начиналось, народ не созрел до повальных отпусков, и в купе они были одни. Когда расставили вещи и расселись по местам, Вика глянула в окно и обомлела, увидев того самого человека с тонкими усиками. Он собирался входить в их вагон.

Она схватила Валерия за руку.

Поезд тронулся.

Вошла проводница, проверила билеты и предложила чай.

– Пойду-ка я чайку принесу, – сказал Валерий.

– Сиди! Я сама! – неожиданно твёрдо ответила ему молодая супруга.

Валерий удивился тону жены, но возражать не стал.

Вика постучала в купе проводников, дверь открылась, и она совершенно не удивилась, увидев там человека с усиками.

- Вас-то мне и нужно, – уже спокойно проговорила она.
- Неужели? – с ехидцей ответил незнакомец.
- Вам нравится меня преследовать?
- С чего решили?
- У меня хорошая память на лица.
- Думаю, не очень...
- Почему?
- Потому что меня, Вика, ты не узнала.
- Мы знакомы?
- Да! Я Рома Воронков. Мы учились вместе до восьмого класса, а после наша семья переехала в Питер.
- Аааа! Был у нас такой маленький, худенький мальчик.
- Больше ничего не помнишь?
- По-моему, мы особо не общались.
- Ещё бы! Самая красивая девочка в классе не замечала маленького, худенького мальчика.
- Так это обида?
- Не знаю! Но слова, брошенные мне в лицо, я запомнил.
- Какие?
- «Да тебя Никто такого не полюбит!»
- Не помню.
- Не удивила!
- Ром! Мы же были детьми.
- Неважно. Слова – не пустой звук.
- Почему сразу не высказался?
- Видишь ли... Царицы не слушают и не слышат.
- Ты маньяк, Рома. Потратить столько лет собственной жизни, чтобы портить чью-то...
- Тебе не испортишь. Ты как птица Феникс!
- Завидуешь? – Вика секунду помолчала и добавила, – сам-то женат?
- Нет.
- Так женись, нарожай детей, и всё вокруг сразу изменится. Или ты в меня влюблён?
- Не воображай! Мы очень разные.
- Ну, слава богу! Кстати! Работаешь в «Органах»?
- Догадливая!
- Значит, пользовался служебным положением в личных целях?
- Иногда...
- Эх, Роман! – собеседница вздохнула. – Прости, конечно, за прошлое! Но мой тебе совет – отпусти ситуацию!
- Не переживай! Больше не побеспокою.
- С ума сойти! – тихо молвила Вика и вышла из купе.
- Что так долго? – спросил Валерий жену.
- С проводницей болтали, – ответила она.
- А где чай? – улыбнулся он.
- Она сама принесёт.

Какое-то время ехали молча. Поезд приближался к большой станции.

– Пожалуй, выйду, – сказал Валерий, – куплю тебе мороженое. Что-то ты загрустила, а сладкое улучшает настроение, – опять улыбнулся он.

– Я с тобой! – второй раз жёстко ответила жена.

Состав остановился. Они вышли на перрон, купили мороженое, погуляли вдоль вагона. Всё это время Виктория старалась крепко держать мужа за руку.

Её нечаянный взгляд на здание вокзала выхватил из группы входящих туда людей уже знакомую фигуру бывшего одноклассника с сумкой через плечо. «Ушёл! Теперь всё...», – подумала она и, легко вздохнув, мысленно пожелала ему вслед душевного покоя.

Объявили посадку.

Они с мужем заторопились в вагон.

Открыв дверь купе, Вика обомлела...

Там, на столике, в стакане с подстаканником уютно расположилась, источая аромат, необыкновенно нежная чайная роза...

Подстилка

Немца Кира увидела сразу. На природе обо всём на свете позабыла и вдруг... Он!

А в лесу хорошо! Тихо, спокойно, благолепно. Скоро осень. Грибы пошли, а это большое подспорье в её сиротской жизни. Живёт с бабушкой: отец погиб в начале войны, а мама пропала. Также вот ушла за пропитанием и не вернулась. Может под бомбу угодила, а может, застрелили...

Грибов в конце лета появилось много. Пока погода радовала, бабушка успела их засушить и груздей ведёрко засолила, так что не пропадут, доживут до прихода наших. Фашистов гонит Красная Армия хорошо, в деревне немцев почти не бывает. Иногда заедут на своих мотоциклетах к старосте, поживятся курятиной и уезжают.

Интересно, откуда этот-то взялся? Она почти до дома дошла: осталось только дорогу перейти и речку вброд. И тут... Идёт! Один. Спокойно шагает, никого не боится. До зазнобы приспичило или так... Гуляет, солнышку радуется. Тоже ведь человек. А может товарищи рядом и Кира их просто не видит. Она огляделась. Нет, вдвоём они.

– Oo! Pilze! Das ist gut¹, – немец тоже заметил девушку и радостно расправил объятия...

Кира бросилась через дорогу к речке. Солдат за ней! Молодой, здоровый: от такого не убежать.

– Стоять! Я иди Дуня, – так он пытался объяснить, что незнакомку не обидит.

«Ах, Дуня!» – успокоилась Кира. Слышала она об этой Дуне, что та с немцами водилась. Ладно, пускай! Лишь бы её не трогал.

Девушка остановилась. Впереди речка. Если перейти в нужном месте, то воды чуть выше колен. Но немного в бок, на той стороне у обрыва – глубина и омут. Деревенские о том знают, но знает ли немец?

Кира на секунду задумалась: «Предупредить или чёрт с ним?»
Только попутчика она явно недооценила...

– Эй, komm her², – немец, догнав Киру, снял с себя брезентовую сумку на ремне и перекинул её через плечо девушки, а затем показал жестами, чтобы она перенесла его через речку.

Кира обомлела!

– Du bist gross, ich bin klein³, – воскликнула она тут же, вспомнив уроки немецкого.
– Пуф, пуф, – немец направил на неё винтовку.
– Вот, гад, – она чуть не заплакала, – мне же не донести тебя! А как же грибы?

¹ Pilze! Das ist gut – Грибы! Это хорошо.

² komm her – иди сюда.

³ Du bist gross, ich bin klein – ты большой, я маленькая.

Кира поставила корзинку у самой воды на берегу, решив, что вернётся за ней обязательно.

– Давай, давай! – заорал немец, развернув девчонку лицом к речке, и обхватил её своими ручищами вокруг шеи.

– Ладно, будь что будет, – проворчала Кира. – Тяжёлый, чёрт! – и, подхватив ноги солдата под коленками, от натуги крикнула, как это делают, поднимая тяжести, взрослые мужчины.

– Нооо! – захохотал наездник, – пшла, матка, пшла!

– Какая я тебе матка, дурак! Да я в два раза моложе твоей Дуни, – опять заворчала она и осторожно ступила в воду.

Пару шагов сделала уверенно. Речка неширокая, но быстрая и брод опасный: «Не оступиться бы, – мелькнула мысль, – ведь за собой утащит, ежели чего. Горло обхватил так, что дышать тяжело, урод проклятый!»

А немец откровенно ловил кайф, гарцуя верхом на молоденькой девушке.

– Фото, фото, – хохоча, орал он невидимым сослуживцам, не понимая, что смертушка совсем рядом и ждёт, не дождётся, когда его «лошадка» потеряет равновесие и рухнет в сторону омута.

Это случилось в одно мгновение... Спокойно дойдя до середины речки, Кира неожиданно споткнулась и, не удержав тяжёлую поклажу, бухнулась в воду. Немец, вместо того, чтобы сразу вскочить на ноги и выбираться на берег, продолжал хохотать, радуясь неожиданному приключению и попятившись на глубину, не заметил, как его постепенно затягивает в омут. А когда осознал страшное, было поздно! Поток закрутил и утащил его на дно.

Кира ужаснулась. Был человек, и исчез! Слышала от деревенских о подобных случаях, но видеть такое воочию... Жутко! Немец, не немец – картинка неприятная. На душе от пережитого сделалось мутно. Слава богу, сама жива осталась!

Вспомнила о корзинке. Возвращаться не хотелось, но подумала о бабушке. Та обязательно о ней спросит и заподозрит неладное, а рассказывать о случившемся, ни бабушке, ни подруге Ленке, никому другому она не станет. Немца будут искать, потому лучше молчать...

С опаской глядя в сторону омута, вернулась за грибами, потом опять перешла речку и только тут вспомнила о сумке, которая стала оттягивать плечо. Остановилась, расстегнула пряжку и с интересом взялась рассматривать содержимое. Чужие письма, пачка галет, банка консервов, бутылка шнапса и маленькое зеркальце, на крышечке которого была приклеена фотография очаровательной красотки, наверное, какой-то артистки.

Зеркальце Кира оставила себе, а сумку со всем содержимым бросила с обрыва в омут: обойдётся она без немецких консервов и чужие письма на чужом языке ей не нужны. Вот одно отцовское, что успело прийти в самом начале войны, она бережёт и регулярно перечитывает...

– Как ты долго! – с порога накинулась на неё бабушка.

– Полупустую корзину приносить не хотелось! Вот набрала с верхом и вернулась, – стала оправдываться внучка.

- Садись ужинать. Я картошечки свежей подкопала и сварила. Вкусная!
- Подожди, дай посижу немного.
- Какая-то ты нынче не в себе. Или случилось чего?
- Ничего не случилось.
- Ну и, слава богу!
- Ба, а ты знаешь про Дуню?
- Про Дуню?
- Ну... Что к ней немец ходит.
- Не наше это дело. А почему спрашиваешь?
- Ленка её подстилкой называет.
- Каждый пусть за себя отвечает, – ответила бабушка.

О гибели немца Кира молчала, но была удивлена, что его никто не искал. Потому решила: видимо солдат ушёл из своей части к Дуне потихоньку, не доложив о том ни друзьям, ни командиру. Кира перекрестилась и постаралась забыть этот страшный случай. А зеркальце припрятала подальше...

Вскоре пришли наши, их район освободили, и началась мирная жизнь, не менее беспокойная, чем при немцах. В деревню наведлся офицер НКВД и стал подробно расспрашивать одного соседа о другом: кто сотрудничал с немцами, кто восхвалял жизнь под ними и ругал советскую власть. А после, этот офицер вместе с одноруким дядей Митей – милиционером, увез Дуню и старосту в город. На этом вроде всё утихомирилось: колхоз восстановили, люди по-прежнему трудились на полях, ожидая скорого окончания войны.

Кира работала вместе со всеми и ждала Толика. Когда немцев выгнали, она получила от него сразу несколько писем. В каждом он писал о своей любви, что мечтает между боями только о ней, помнит каждое свидание и женится сразу по возвращению. Кира обрадовалась письмам Толика и тут же ответила, описав нежными словами свои чувства к любимому, надеясь на скорую встречу и храня верность с первого дня разлуки.

Культурная жизнь в деревне тоже потихоньку налаживалась. В клубе стали показывать фильмы, а по выходным иногда устраивались танцы.

Как-то Ленка уговорила Киру пойти с ней на новый фильм «Большой вальс». Знала, что подруга, ожидая жениха, на танцы не пойдёт, но кино посмотрит с удовольствием. Под впечатлением от волнующего душу фильма, красивой музыки и долгожданных писем, Кира расслабилась, повеселела и размечталась о приятном будущем.

Вдвоём они прогулялись по ночным улицам, а после присели на лавочке у еле светящегося окна одного из домов.

- Ты сегодня как первоцвет. Никак очередную весточку от Толика получила? – с завистью в голосе спросила Ленка.
- Получила, – Кира, легко вздохнув, улыбнулась.
- Что пишет?
- Пишет: как вернётся – сразу поженимся.
- Счастливая! А тут... Парней мало. Так можно и в девках остаться.

- Ну, ты не останешься! – Кира засмеялась, – своё с кровью выцарапаешь.
- Обязательно выцарапаю.
- Какой фильм хороший! После него на сердце легко и приятно делается, – сменила тему Кира, не желая дразнить Ленку разговорами о парнях.
- Мне тоже очень понравился. И артисты красивые, даже не верится, есть ли такие на самом деле!
- Хочешь, покажу фотографию Луизы Райнер, которая играла жену Штрауса?
- У тебя есть её фотография?
- Вот, любуйся, – и Кира вынула из кармана маленькое зеркало с изображением на крышечке артистки из «Большого вальса».
- Откуда у тебя это зеркальце? У нас в сельмаге таких в продаже не было, – удивилась Ленка.
- Это не из магазина.
- Аааа... Понятно!
- Что тебе понятно?
- Немцы подарили. И молчала. Тоже мне – подруга!
- С ума сошла! Никто, ничего мне не дарил!
- Не ври! Когда только снюхаться с ними успела?
- Лена! Перестань. Я расскажу тебе правду. Только по большому секрету.
- Отчего же до сих пор молчала?
- Вспоминать неприятно!
- Тогда рассказывай. Сохраню твой секрет.
- Обещаешь?
- Сказала же...
- Помнишь, прошлым летом я звала тебя по грибы, а у тебя мать в тот день приболела, и ты не пошла?
- Помню. И что?
- Я тогда немца утопила, который шёл к Дуне. Нечаянно.
- Как утопила? Сама?
- Так вышло. Он заставил меня нести его через брод на закорках. Я не удержалась и упала вместе с ним воду.
- Я бы тоже не удержала. Он же здоровый как конь! И что потом?
- Его затянуло в омут, и он утонул.
- А зеркальце откуда?
- Оно было в сумке, которую немец повесил мне через плечо. Сумку я бросила в воду, а зеркало оставила себе.
- Понятно, – Ленка замолчала, но было видно, что ей очень хотелось ещё о чём-то спросить.
- Ну, говори, – Кира не желала недомолвок.
- Может он тебя насильничал? Я никому не скажу, если так... Не бойся!
- Дура ты, Ленка! Да я бы тогда сама утопилась!!
- Я бы тоже.
- Ну вот... А мелешь глупости.
- Зеркальце красивое, – казалось, Ленка успокоилась.
- Дарю! Мне не жалко, – у Киры после трудного разговора с подругой отлегло от сердца, и она без сожаления вручила ей немецкий трофей.
- Ой! Спасибо! – Ленка прижала зеркальце к груди и чмокнула Киру в щёку.

А дома Кира задумалась. Уж очень ей не понравились расспросы подружки! И зачем не выбросила тогда это чёртово зеркало, позарилась на чужое добро и теперь остаётся надеяться только на Ленкину порядочность. А есть ли она у неё? Беда в том, что подруга была влюблена в Толика с детства, и Кира о том знала. А тут ещё война – каждый парень в деревне на счету и нарасхват! Ох, Кира, Кира! Что же ты наделала! Радость о скором возвращении Толика окрылила, ты и забыла о человеческих пороках.

Толик вернулся, немного прихрамывая, и на полгода раньше окончания войны. Бабушка увидела его в день возвращения. Парень обещал к концу дня зайти к невесте обязательно, а до того желал встретиться с матерью, помыться и немного отдохнуть.

Кира прождала Толика весь вечер. Он не пришёл. Не было его и утром следующего дня. От окна девушка не отходила... А к обеду увидела, как мимо их дома, ни от кого не таясь и мило беседуя, шли, взявшись под руки, её жених и лучшая подруга.

Кира всё поняла... Видимо, Ленка выставила её перед Толиком очень некрасиво, выдумав всякие глупости! Кире хотелось наложить на себя руки, но пожалела бабушку. Как та одна останется, и кто её кормить будет? И тогда она решила встретиться с парнем один на один и объясниться.

В ближайший воскресный вечер Кира пришла в клуб одной из первых. Села на лавочку и стала ждать. Он появился без Ленки. Кира, боясь, что та вот-вот явится, тут же к нему подошла.

– Здравствуй, Толик! Почему не заходишь, – выпалила она одним махом и зарделась.

Произошедшее дальше, Кира запомнила на всю жизнь. Такой грязи и помоев в свою сторону она больше никогда не получала.

– Пошла вон! Подстилка! – зло прокричал он и захохотал.

Удар словом был страшный! Казалось – лучше бы убил! Слёзы хлынули из глаз, и она пулей вылетела из клуба, даже не заметив шедшую навстречу подругу.

Дома Кира сразу улеглась в постель, но уснуть не получилось. В мозгу крутилась одна и та же фраза: «Пошла вон!» И это он ей! Которая любила, верила, ждала... Обида и душевная боль захлестнули по макушку. Жизнь для неё остановилась.

Так она лежала какое-то время. Потом встала, достала из-под подушки все письма бывшего жениха и стала со злостью их рвать и жечь в печке, а, глядя на огонь, потихоньку успокаивалась.

Вернулась от соседки бабушка. По её глазам Кира поняла – старушка уже обо всём знала. Слухи по деревне летят быстрее ветра. И чтобы успокоить единственного родного человека, она рассказала бабушке всю правду о случае с немцем, а после спросила:

– Ты мне веришь?

– Конечно, верю! Почему сразу ничего не рассказала? – бабушка, прижав внучку к себе, гладила по голове как маленькую.

– Это ничего бы не изменило? – девушка пожала плечами.

– А вот с Ленкой зря поделилась.

– Так вышло...

– Я её всегда не любила. Скользкая она: бывало к нам зайдёт и всё по углам зыркает, будто что-то выискивает. Глазки, что бусинки!

– Теперь всё можно сказать...

– Да я и раньше тебе говорила, только ты внимания на мои слова не обращала.

– Мы же с ней дружили...

– Она с тобой из-за Толика дружила.

– Бог ей судья! Но как же он на её слова купился? Не зашёл, не поговорил...

– Вот именно: купился! Жить Ленкина семья всегда умела. При немцах со старостой ладили и сейчас с властью дружатся. Ведь это Ленкина мать Дуню с потрохами офицеру продала!

– Откуда знаешь?

– Митька-милиционер шепнул. Не хотел он Дуню сдавать – дети у неё. Пятеро! Кормить-то их надо... Вот и привечала она немца за подачки. А теперь Дуню отправили в лагерь, а детей в детдом.

– Вот оно как! Мне Ленка о том ничего не говорила.

– Твоя Ленка всегда хвост по ветру держала. Вся в матушку!

– Ох, бабушка! Как же жить теперь?! Столько грязи. За что? – Кира заплакала.

– Поплачь, поплачь! Слёзы успокоят. А жить всё равно надо.

В эту ночь не могли уснуть обе. Внучка слышала, как старушка, вздыхая, вертелась на своей постели и затихла только под утро. Тогда и Киру окутал липкий сон. Ей виделась Ленка, которую она тяжело тащила на закорках в гору, а дотащив, неожиданно для себя сбрасывала вниз, потом опять тащила и опять сбрасывала...

Кира проснулась и очень удивилась тишине в доме. Обычно бабушка вставала рано, топила печку, грела воду, а после будила внучку. Сегодня Кира решила хозяйничать сама. Когда вода в чайнике закипела, она сняла его с печи и подошла к бабушкиной кровати. Старушка была мертва...

Война закончилась. В деревню возвратились те, кто победил и выжил. Отцвели сады, зазеленели поля... Но ничего этого Кира не замечала. Что-то ела, пила, уходила на работу, а вечером, не раздеваясь, укладывалась в постель. Ни с кем не разговаривала, похудела, осунулась.

Как-то вечером в середине лета в её дверь постучали. Она, молча, открыла. На пороге стоял дядя Митя.

«Наконец-то! И по мою душу власть пожаловала. Вот и ладно», – равнодушно подумала девушка и пригласила деревенского милиционера присесть.

– Здравствуй, дочка! – поздоровался он.

– Здравствуйте, дядя Митя.

- Ты не стой, садись! Разговор у нас будет долгий, – он сам пододвинул Кире табуретку.
- Я готова.
- Ох, девка! Не нравишься ты мне.
- Я сама себе не нравлюсь.
- Вот... сахарок принёс, – и мужчина достал из кармана небольшой кусочек сахара, – сладенькое не помешает. Исхудала-то как!
- Спасибо, дядя Митя! Не хочу. Ничего не хочу.
- Ты брось это! Понимаю: плохо тебе. А потому, давай, рассказывай! Спокойно и по порядку.
- Дядя Митя, о чём рассказывать?
- Обо всём! О немце, о Ленке, о Толике.
- О немце расскажу. А о Ленке с Толиком не буду. Раз поженились – пусть живут.

И Кира спокойно, во всех подробностях рассказала милиционеру об одном неприятном походе за грибами.

- Так тебя, дочка, наградить надо, – выслушав хозяйку дома, неожиданно сказал он.
- За что? – Кира обомлела.
- Немец утонул?
- Утонул.
- Значит, на одного фашиста стало меньше. А был бы жив, сколько наших бы ещё убил!
- Я не нарочно. Так получилось.
- Без разницы. Его же нет?
- Нет.
- Вот и ладно. Не грусти! Ты ни в чём не виновата. И насчёт сплетен не переживай! Я Ленке и её матке рот-то закрою. Давно за этими воровками наблюдаю.
- Почему воровками?
- Ночью поймал обеих. Пытались склад вскрыть.
- И что теперь будет?
- Пока молчу, но могу и заявить. Посмотрим, как дальше себя вести будут.
- Толик был с ними?
- Не переживай! Не было, – дядя Митя усмехнулся.
- Уже не переживаю. Так спросила... А эти выходит у своих воруют.
- Разберёмся! Я к тебе по делу пришёл.
- Какому? – Кира напряглась.
- В Правление пришла разнарядка на одного человека для поступления в педучилище. Я предложил твою кандидатуру. Мы с твоим батькой дружили, а он геройски погиб, – и дядя Митя, тоном не терпящим возражения, добавил, – отучишься – вернёшься!
- Спасибо вам!
- Значит, согласна?
- Конечно, согласна!
- Вот и умница. А женихи ещё будут – поверь. Твоё сердце одно не останется!

Вот так, совершенно неожиданно, местный милиционер решил за Киру её судьбу. «Как странно жизнь устроена и какие люди разные, – думала она, – считала Ленку лучшей подругой, а она оговорила по-чёрному, любила Толика, а он предал, боялась дядю Митю, а он оживил».

Прошло время... Кира, отучившись, вернулась в родную деревню и не одна, а с мужем. Она стала преподавать в младших классах, а её супруг – выпускник сельскохозяйственного техникума – был определён на должность главного зоотехника в их колхозе.

Однажды у школы Кира встретила Толика, который уже не в первый раз пытался с ней заговорить, но она постоянно делала вид, будто его не замечает или очень спешит.

– Кира, здравствуй. Прости меня. Я – дурак, – сказал негромко, но очень внятно. Эту фразу давно лелеял и про себя не раз проговаривал.

– Поздравляю, – Кира улыбнулась, – от меня, чего надо?

– Решил поздороваться.

– Извини, мне домой пора! Мужа кормить, – сказала и ушла.

Он с тоской посмотрел ей вслед, а после, махнув рукой, пошёл к сельмагу. И этим вечером из дома, где жили Ленка и Толик, была слышна непотребная пьяная ругань молодого семьянина, почему-то обзывающего свою жену «подстилкой».

Герavera

Посвящается Л. О.

1. ГЕРА

– Покурить пойду, пока ты дочку кормишь, – прихватив «Беломор», Гера вышел в сад.

Там всюду цвели яблони и вишни, а вдоль тропинки, ведущей к беседке, радовали посаженные женой первоцветы. Сколько лет он мечтал о доме и саде! И вот оно – его собственное, сработанное своими руками, теперь перед ним! И можно спокойно отдохнуть, закулив папироску, а ещё можно достать припрятанную в смородиновый куст бутылочку и глотнуть винца. От него разливается по телу приятная истома, иногда текут слёзы, и боль в груди становится чуточку меньше. Вера кормит годовалую дочурку, сын – первоклашка делает уроки, а он сидит на лавочке за столиком в ажурной беседке, которую смастерил по памяти – видел такую же в Австрии. Там в каждом дворе – и сады, и цветники, и беседки...

Заныло в груди...

Гера сделал ещё несколько глотков из бутылочки.

Боль не проходила.

Положил руки на стол, а голову на руки.

Перед глазами замелькали картинки из прошлого и настоящего. Он сидит в первом ряду местного клуба «Заря» и смотрит фильм. Фильм о своей жизни. В роли главного героя – он!

А рядом множество знакомых и незнакомых людей.

Что им нужно? Чего хотят? Чего ждут?

Он честен. Ничего не скроет. Ответит всем.

Только не торопите! Ему очень больно...

...Война закончилась.

На одной из станций к поезду, в котором Гера ехал с фронта, прицепили несколько вагонов с освобождёнными из фашистского плена гражданскими лицами. И как-то, прогуливаясь вдоль состава на длительной остановке, он заметил очень симпатичную девушку, вышедшую подышать воздухом из тех вагонов, и радостно откликнулся на её внимательный взгляд.

– Как зовут даму с печальными серыми глазами?

– Зовут Галей. Только я не дама! Я, бывшая пленница, угнанная фашистами с родной земли, чтобы работать на них.

– Таких много. Мы – солдаты в том тоже виновны. А меня Герой зовут.

– Очень приятно.

– Смотрю, вы одна прогуливаетесь?

– Со мной ехал родной брат, но два дня назад я похоронила его в чужой земле, – грустно ответила девушка.

– Много народа погибло в этой войне! Кто на фронте, а кто как ваш брат. Держитесь! Не плачьте. Теперь заживём!

– Я не плачу. Чтобы плакать, нужны силы, а у меня их не осталось, – Галя помолчала, а после спросила, – что у вас с рукой?

– Перелом был. Кости плохо срослись.

– В госпиталь едете?

– Направили в Киев. Там долечат.

– Давно воюете?

– Два года. Дошёл до самой Вены. Любите вальсы Штрауса?

– Вальсы слышала до войны. По радио его музыку часто передавали.

– Так я был в доме, где он жил.

– Повезло. И как живут австрийцы?

– Хорошо живут! Так добротно и ладно построены их дома! А в каждом дворе есть сад с беседкой, в садах – разные цветы. Вот вылечусь, женюсь и обязательно построю себе такой дом с садом и цветником! – размышлял Гера.

– Конечно, постройте, – смутилась Галя.

Они долго ехали, а изредка, встречаясь на остановках, разговаривали, вспоминая довоенное прошлое, а ещё мечтали о будущем, постепенно оттаивая от войны.

Галя тогда ему очень понравилась: взрослая не по годам, к тому же красавица! Незаметно для себя он стал представлять её в роли будущей хозяйки выстроенного им дома. Смущали глаза... Не смешливые и сытые, как у австриячек, а очень внимательные и грустные, потому слегка не соответствовали сформировавшейся мечте. Но сегодня и сейчас трогали до глубины души! И сразу после госпиталя он поехал к ней.

Да! С Галей тогда нехорошо получилось.

Галю он предал. Или не предал?

Полюбил-то он Веру!

Увидел, полюбил и сразу женился.

В тот день зашёл в парикмахерскую, а там она! В белом халатике, с миленькими кудряшками, с ямочками на щёчках. Даже ошалел слегка. Это же именно та девушка, которую он представлял в своих мечтах! Присел в кресло перед зеркалом, а сам только на неё и смотрел. Вера со смехом предупредила:

– Не боитесь стричься у ученицы? Вы у меня первый клиент!

– Рядом с такой красавицей ничего не страшно! Если что, «под Котовского» переделать сумеете? – с улыбкой подыграл он.

– Кто же не сумеет? – смутилась от приятного комплимента хорошенькая парикмахерша.

На этом и порешили. Мило болтая, она чуть было не прикусила себе язычок от старания, а Гера не мог отвести от неё глаза. Кого-то эта девчонка ему напоминала! Не то домовитых и весёлых австриячек, не то девушку, ехавшую вместе с ним на родину...

Миленькая парикмахерша, явно заигрывая, спросила:

– Для кого таким красивым хотите показаться?

– Сватаюсь сегодня вечером к одной хорошей знакомой.

– Жаль! А я уже понадеялась, – многозначительно кокетничая, улыбнулась Вера.

И понадеялась не зря! Пришёл свататься к Гале, а взял за руку и увёл с собой в новую жизнь Веру!

Вдвоём они уехали в городок под Куйбышевом. Он устроился экскаваторщиком на стройку. Технику уважал и любил, да и руки росли, откуда нужно. Им выделили участок земли, на котором соорудили временку, чтобы перекантоваться несколько ближайших лет. А для постройки дома потихоньку закупали кирпичи, доски и другой необходимый строительный материал. Заодно разбили сад, каждый год сажали огород – места хватало.

Родился сын, через пару лет второй. Отношения между молодыми оставались как в первую встречу. Гера не ошибся и не пожалел, что связал свою судьбу с Верой.

– Гера-Вера! Как складно! – смеялись они, а порой так ласково друг друга в одно слово и называли, – Геравера, иди ко мне! Геравера, ты где?

Ему очень нравилась жизнерадостность и молодость Веруньки – это удваивало желание делать для семьи ещё больше.

Дом в мечтах хозяину представлялся из двух комнат с высокими потолками, кухней, большой верандой и балкончиком под крышей. В голове давно запечатлелась не только каждая деталь, но и последовательность всего строительства. Во дворе предварительно был вырыт котлован, а рядом возвышалась горка песка. Гера с удовольствием представлял, как займётся фундаментом, а там и кладкой стен.

Дом-то он построил! А вот его первенец...

...В то утро такое деловое настроение было, так всё складывалось удачно! Ещё бы! Начальник позволил ему взять на пару часов экскаватор, чтобы немного углубить яму под фундамент. Он въехал во двор и, не мешкая, приступил к задуманному.

Трёхлетний сын с соседским мальчиком постарше играли с деревянными машинками возле котлована, как раз у той кучи песка. Из-за неё Гера и не заметил малышей! И первым же ковшом, полным рыхлой земли, накрыл своего первенца. Затем вторым, третьим... Решив, что яма достаточно глубока, отогнал экскаватор на улицу и пошёл обедать во временку. Расцеловал жену и второго малыша, уселся за стол.

Вера стала звать старшего, обошла весь двор, но его нигде не было. Вспомнила, что тот играл с маленьким соседом... Побежала к нему! Мальчик был у себя дома, но из-за женского крика ничего толком ответить не мог. И только увидев подошедшего Геру, сказал:

– Он там, – взял за руку отца своего друга и отвёл к только что насыпанной куче земли.

Тут папка всё и понял!

Землю разрыли, ребёнка достали...

Но он уже не дышал.

Вера онемела – муж сгубил их сынишку.

И смерть—то, какая мучительная!

...Гера опять потянулся к бутылке, но вышло неловко: она упала, покатилась, а вино бордовой дорожкой разлилось по столу.

– Ох, сынок, сынок! Прости ты своего батьку бестолкового! Чуть в сторону надо было ту землю сыпать, – еле шевелил губами Гера, не впервые оправдываясь перед погибшим ребёнком.

Но может, ему чудилось, будто он что-то говорит, а это воспоминания продолжали накачивать волнами, не давая душе отдохнуть. И он продолжал смотреть своё кино...

Тогда, после смерти первенца, запил по-чёрному. Если бы не Вера, пропал бы! Только ради неё и младшенького жить остался. Да ещё ради дома. Опомнился, взялся за работу.

Вот он его дом! Большой, крепкий!
Не хуже, чем у австрияков получился.
И сад вокруг дома, яблони благоухают!
А цветов Верунька посадила самых разных!
Всё у неё получается, за что не возьмётся!
Сын с дочкой подрастают.
Только сердце ныть стало всё чаще и чаще.
Вот и теперь ноет так, что руку не поднять.
Ноет и скребёт, того и гляди, выскочит!
И дышать ему тяжело... И холодно...

– Вееееааа! Веа! Веунь...

Кино закончилось.
Экран погас.

2. ВЕРА

После похорон мужа Вера долго не заходила в беседку. Боялась, что Гера привидится. Но сегодня зашла и уселась на то самое место...

С утра палило солнце. Деревья давно отцвели и уже усыпаны небольшими яблочками. Их в этом году будет много. Только зачем? Геры нет, а уж как он яблоки любил!

Она положила руки на стол, как когда-то Гера, и стала с удивлением их разглядывать. Надо же? Ещё молодая женщина, а руки натруженные, как у старой бабки. Хотя... Чему удивляться? Работает-то с четырнадцати лет.

Вскоре, как отец ушёл на фронт, её родной Фастов заняли немцы. Новые хозяева жизни гнали скопом всю здоровую молодёжь работать на «Фатерлянд». Старшего брата Юру и сестру Галю, которые успели до войны сдать экзамены за десятый класс, отправили в Польшу на воен-

ный завод. А её – семиклассницу отвезли в Германию. Там определили к фермеру, он выращивал свиней и варил тушёнку для фронта, а потому очень нуждался в работницах.

И только через долгие четыре года ребята случайно встретились в пересылочном пункте по дороге на родину. Хромой и очень уставший Юра, увидев младшую сестру, от радости заплакал:

- Верунька! Родная! Какая ты стала хорошенькая! Уже и не чаял увидеть тебя.
- Что у тебя с ногой, Юрочка? – тоже заплакала, глядя на измученного брата, Вера.
- Да вот... Распухла, а лечить нечем. Уронил на неё заготовку, – кривясь от боли, ответил Юра.
- Худющий—то какой, братик мой единственный! – продолжала плакать Вера.
- Были бы кости здоровые, а мясо нарастёт! Кормили нас совсем худо, особенно в последнее время. Эх, Верунька, а уж как хочется в нашу баню! Отмыться да попариться!
- Юрочка, Юрочка! Мы не знаем, что с нашими городами и сёлами, а ты про баню! – Вера гладила старшего брата по голове как маленького мальчика. – Но ничего, если мама жива, то поможет. Отправит к тётке в село, там тебя быстро на ноги поставят, – утешала она брата, понимая, что Юра – не жилец.

Галя, с тоской наблюдая за этой горестной сценой, старалась перевести разговор на повзрослевшую и похорошевшую, несмотря на невзгоды, младшую сестру:

- Ты-то как выдержала неметчину?
- Я там не одна была. Пять наших девочек жили на ферме в старом свинарнике, а в только что построенном, жирели свиньи. Набили старые хозяйские наволочки соломой, своё «жилё» вымыли, выскребли, чтобы не так противно было. С утра варили свинячью еду и полными ведрами таскали её хрюшкам, потом чистили и мыли подопечных и опять носили тяжёлые ведра – теперь уже с водой.
- Хозяева-то не шибко зверствовали? – поинтересовался Юра.
- Поначалу относились к нам как к рабыням, – желая выговориться, продолжала свой рассказ Вера, – но после, увидев, что мы вкалываем, не отлынивая, сменили гнев на милость. Даже сломанную тумбочку и облупленный шкаф нам отдали, чтобы мы свои вещи там держали. Кормили тем же, что и свиней, – Вера ухмыльнулась.
- Вот, гады! – выругался Юра. – Неужели куска хлеба пожалели?!
- Страшно было другое, Юрочка! За всем хозяйством на ферме вместо цербера приглядывал наш русский мужик, сдавшийся немцам в плен. Жуткий злыдень! Отваливал затрепщины без всякого повода. Хорошо, что своё мужское богатство застудил! Иначе, брюхатил бы работниц по очереди. На соседней ферме, где охранники были здоровыми, бедным девчонкам приходилось искать травку, чтобы скинуть нежелательного ребёночка, потому что беременных сразу отправляли в концлагерь. Нам тоже за малейшую провинность концлагерем постоянно грозили.
- Всем досталось, – обнял сестру Юра.
- Но выжили и, слава богу! – улыбнулась Вера.

Галя слушала сестру, не переставая удивляться её доброму нраву, который сохранился, несмотря на непростой кусок прожитой жизни в чужой стране с жёсткими порядками.

- Да, Верочка, тяжело было. Но мы с тобой здоровы! А вот наш Юра...

– Галя, тебе-то самой, каково пришлось пережить фашистский плен? – глядя в грустные глаза сестры, спросила Вера.

– Знаешь, почему-то ко мне немцы неплохо относились. Может, заметили, что я девушка серьёзная и меня слушались свои русские ребята. Назначили бригадиром. Отказаться было нельзя – смерть! Но я никогда не превышала возложенные на меня полномочия. Даже наоборот! Пыталась добиться для ослабевших подчинённых увеличения пайка и день отдыха больным. Поэтому меня никто не выдал по приходу наших войск, и я сошла за самую обычную работницу на том заводе. Ты тоже, Вера, никогда и никому не говори о том, что я тебе сейчас рассказала!

Только неожиданная встреча родственников была недолгой. Вера, вволю наплакавшись, отправилась со своим отрядом пешком на восток, а хромого Юру и Галю отправили туда же в товарном вагоне.

Переезд оказался непростым. Юра в дороге умер. На очередной остановке тело вытащили из вагона и тут же похоронили.

По возвращению на Родину всех работавших на фашистскую Германию проверяли на предмет лояльности к своей стране и рекомендовали помалкивать о прошлом. Затем сёстры отправились домой.

А дома... Отец с фронта не вернулся. Мать всю войну прожила в своём городе. Уж как выжила – одному богу известно! Сильно горевала, узнав о смерти своего любимого Юрочки.

Галя показалась матери немного чужой и очень серьёзной. Было как-то неловко смотреть в её большие серые глаза с затаившейся там тоской. А Вера порадовала: весёлая и здоровенькая! Теперь бы женихов хороших её дочкам!

Галю сразу взяли на завод бригадиром, Веру определили ученицей к парикмахеру. Учили ремеслу недолго – всех тогда стригли под «одну гребенку».

Вот здесь-то, на своём рабочем месте, она и встретила Геру. Так старалась тогда и даже почти не смущалась. Постригла, побрызгала одеколоном, он расплатился, нежно коснулся её руки, попрощался и ушёл.

Весь остаток дня Вера пробыла под очень приятным впечатлением. Домой шла нехотя. А там мать с Галей предавались суете, готовились к встрече желанного гостя. Оказывается, старшая сестра ждала жениха, который обещал прийти вечером, чтобы познакомиться с семьёй невесты и попросить благословения у её матери.

На стол собрали всё, что можно было найти в это трудное послевоенное время. Была бутылочка молдавского вина, картошка со шкварками и селёдочка с лучком. Так что в грязь лицом не ударили! Принарядились, пусть в единственное, но выстиранное и выглаженное. Вера сделала дамам причёски, накрасили по моде ярко губки.

Галя старалась скрыть волнение, а мать даже не пыталась. Неужели её такие красивые и ладные дочери найдут своё женское счастье? И по праву первой должна быть именно она – её старшая дочь Галинка.

В дверь постучали. Вошёл Гера...

Все заметили его удивлённо-восхищённый взгляд, но устремлённый не на невесту, а на Веру, которая от приятной неожиданности зажала рот рукой, а глаза её лучились от нескрываемого удовольствия и радости! Кроме них двоих, никто ничего понять не мог.

Гость поздоровался и замолчал. Казалось, он что-то обдумывает. Затем решительно, и не спрашивая, взял Веру под локоток, подвёл к матери и попросил руки младшей дочери. Мать от неожиданности охнула и присела на единственную в доме кровать. Сначала у неё мелькнула мысль, что и младшенькая нашла себе кавалера, и так всё славно сошлось! Но, увидев потемневшие Галины глаза, оценила эту жуткую ситуацию и обомлела: ну, Верка! Ну, розмаринчик!

Галя медленно и очень спокойно взяла со стола бутылку вина, молча налила в рюмку, молча выпила и пошла к двери. Но перед самым выходом оглянулась и тихо молвила:

– Живите...

И ушла из своей семьи навсегда.

Мать сидела на кровати да качала головой: так жалко Галю! Только Веркино бы счастье не разрушить!

Гера решил сгладить неприятную ситуацию, налил всем вина и по-хозяйски уверенно, обращаясь к матери, сказал:

– Я полюбил Веру с первого взгляда и буду ей хорошим мужем! А Галя – сильная и добрая девушка. Пусть простит меня, если сможет... Но Вера теперь моя!

Вечер закончился тем, что он увёл свою новую невесту к себе в общежитие. Там началась их совместная жизнь.

Мать осталась одна.

Про Галю вскоре стало известно из местных газет: она уехала в одно из украинских сёл. Там в колхозе работала бригадиром, потом агрономом, потом председателем и даже избиралась в местные советы депутатов. Но личная жизнь не сложилась, семьёй и детьми не обзавелась.

А Вера всегда чувствовала свою вину перед Галей. Получилось, что именно младшая сестра добавила старшей горящих углей на уже обожжённую войной судьбу!

Теперь Гера был не один, а потому желал, чтобы его семья жила в собственном доме. О нём давно мечтал и грезил!

– Уедем отсюда! Руки крепкие сейчас везде нужны! Однополчанин зовёт на Волгу, будем там строиться, моя русская «гретхен», – предложил он молодой супруге.

Вера согласилась, и они приехали в этот город...

...У неё есть дом, и есть сад. В доме живёт она с детьми. Им хорошо и спокойно вместе. Только рядом нет Геры. И никто ей его не заменит. Никогда! В этом она глубоко уверена. А натруженные руки – не самое страшное! Главное – жизнь и здоровье её детей.

Скрипнула калитка и Вера увидела, вернувшегося с улицы сынишку.

– Мам, я пришёл, – он улыбнулся и помахал ей рукой. – Мам, там Людочка проснулась и плачет.

– Я слышу, сынок! – Вера встала, огладила стол в беседке и пошла к дому. – Сейчас бабушка из магазина придёт, принесёт хлебушек, и будем обедать.

– А ты сегодня работаешь?

– Да! Во вторую смену. Как покушаешь, обязательно почитай что-нибудь! Избегался напрочь! Буквы не забыл ещё?

– Не забыл! Мам, ты опять плакала? У тебя глаза красные.

– Нет, сынок, не плакала. Мошка в глаз залетела, я и натёрла...

Любовь пионервожатой

Мила заметила, что танцевал незнакомец красиво, будто специально этому учился. Вполне взрослый и симпатичный. «Может, хватит стесняться и подойти к нему самой, – подумала она, – обожаю военных!».

Лейтенант тоже обратил внимание на девушку с толстой косой вокруг головы в виде короны. После войны такая причёска стала очень модной, и женщины уже не стремились остричь волосы, чтобы сделать завивку. А какие манящие глаза у этой девчонки – не заметить невозможно! И когда прозвучали первые аккорды следующей мелодии, он подошёл к ней и взял за руку. Они станцевали фокстрот, потом вальс и все остальные танцы, которые играл гармонист в этом сельском клубе, заодно познакомились.

– Василий, вы хорошо чувствуете музыку, – сделала ему комплимент Мила.

Парень вместо ответа прижал девушку к себе, и она не отшатнулась.

Когда закончились танцы, он вызвался её проводить, они вместе вышли на улицу и направились к дому Милы. Дорогой молчали. Девушка решила: видимо этот офицер подошёл к ней из-за жалости. «Хороша я, хороша, да плохо одета» – эта песня явно о ней – шутила она иногда. Отданная хозяйкой, перешитая и окрашенная школьными чернилами юбка, вязаная кофта, а на ногах резиновые ботинки на маленьком каблучке – только они и были новыми в её убогом туалете.

– Помогаете нашему колхозу? – попыталась она разговорить нового знакомого.

– Молокозавод строим.

– А сами откуда?

– Из Белгорода.

– Хорошо там?

– В городе жить легче.

– Тоже хочу в город.

– Зачем? Село ваше красивое и богатое: виноград, груши, да и скотину народ держит.

– Народ держит, – тихо повторила девушка и подумала, что она к этому благоденствию никакого отношения не имеет.

– Работаешь или учишься? – неожиданно парень перешёл на «ты».

– Работаю в школе старшей пионервожатой.

– Ооо! А живёшь где?

– Пришли уже. В этот дом председатель определил меня на жительство, – Мила махнула рукой в сторону беленькой чистенькой мазанки.

– И как?

– Хозяйка добрая.

– Присядем? – предложил он.

Они уселись на скамеечку у плетня. Василий обнял её за худенькие плечи и спросил:

– А родители у тебя есть?

– Мать со старшей сестрой живут в Киеве, а отец в войну пропал без вести.

– Почему ты не рядом с матерью? Одну обидеть могут...

– Райком комсомола сюда определил. С детьми спектакли для сельчан ставлю. Меня здесь любят!

– Смелая!

– Война такой сделала! Полстраны пешком прошла.

– Понятно. Пойду я. До свиданья, Мила! Нежное у тебя имя, – внезапно он встал, прощаясь, опять прижал её к себе и пошёл прочь.

«Иди, иди! Всё понятно! Найдёшь себе богатую невесту», – с горьким сожалением прошептала ему вслед старшая пионервожатая.

Не рассказывать же этому лейтенанту, как она с матерью и сестрой, бросив нажитое, бежали из родного города, а потом были только дороги и чужие дома. Что с начала войны вдоволь не ела и не носила хорошей одежды. Но жалость ей не нужна! Хочется человеческого тепла, мужской защиты и ласки. Ведь она вполне взрослая восемнадцатилетняя девушка!

Оксана подружилась с Милой сразу, как та приехала в их приморское село. Ей понравилась эта красивая городская девчонка: начитанная, интересная, много пережившая для своего юного возраста. Хотя... Войну и смерть кого-нибудь из близких пережили все. Но не все бежали из родных мест. Кто-то смог дождаться мира в своём краю, потом потихоньку восстанавливать потерянное добро, позабыть страшное прошлое и, не спотыкаясь, идти к прекрасному будущему.

Оксана с матерью имели собственный домик с садом и огородом, во дворе бегали куры, а в сарайке набирала вес свинка. Работала девушка в сельском магазинчике, торгуя самым необходимым. Крупа, сахар, карамель, консервы, папиросы – обычный ассортимент послевоенного времени. А на вбитых в стену гвоздях, висели на вешалках, ожидая покупателей, пара платьев, детское пальто и мужская рубашка.

Через несколько дней после встречи с Василием, Мила зашла к подруге в магазин. С утра в нём было пусто, только несколько старушек на крылечке, ожидающих привоз свежего хлеба.

– День добрый, – поздоровалась она.

– Здравствуй! Ты за хлебом?

– Так зашла, – Мила огляделась, – о! Новые платья привезли. Куплю одно с полочки.

– Поторопись! Желаящие есть, – ответила Оксана, а после не удержалась и спросила, – как кавалер? Было чего?

– Нет. Проводил и всё.

– Пожалел, наверное.

– С чего взяла?

– Молоденькая, живёшь одна. Не переживай! Может ещё сладится, – Оксана попыталась поднять подруге настроение.

– Ничего не сладится! Хозяйка сказала, что солдатики тут до осени. Молокозавод достроят и уедут.

– Вот оно как!

– Сама чего на танцы не ходишь?

– Мать не пускает. Говорит, чтобы дома сидела и Гришку из армии ждала. А то будущая свекруха узнает, что я по танцам шляюсь – не отмыться! И этого потеряю, и другого не найду.

- Может она и права. Ребята вокруг – одни сопляки.
- Вот именно! Всё из-за войны...
- Оксан, пойду я! После обеда получку обещали, приду за платьем.

Мила продолжала работать, иногда ходила на танцы, но новый знакомый на глаза не попался, и она решила выбросить из головы этого зазнайку-офицера.

А в середине августа её вызвал к себе директор школы.

- Просьба к тебе! – обратился он к девушке.
- Слушаю Вас, Иван Петрович, – заволновалась Мила.
- Чем занимаешься?
- Стены в классах крашу.
- Брось пока! Найдём маляров. А тебе концерт нужно организовать. Праздничный!
- Хорошо. По какому поводу?
- Разве не в курсе?
- Нет.
- Ну, Милка, ты даёшь! Совсем заработалась! Молокозавод сдаём под красную ленточку. Всё! Уезжают ваши кавалеры.
- Уже? Уезжают? – поникла Мила.
- У самой есть кто?
- Да ну вас, Иван Петрович! Нет у меня никого.
- Ладно. Иди! Готовь концерт, – директор улыбнулся, – ребят собери.
- Так все на каникулах.
- Да какие каникулы! Если только младшие, а старшие маткам помогают: и на винограднике, и на ферме. Но вечерами все дома.
- Хорошо. Я всё сделаю.
- Давай, отличись! Ты у нас девушка современная. Сможешь! С района гости будут, – со значением в голосе и, подняв указательный палец вверх, сказал он.
- Не подведу, – отсалютовала старшая пионервожатая.

Она собрала ребят и с удовольствием занялась своей непосредственной работой, которую очень любила, потому как была девушка не просто современная, а умненькая и артистичная.

В начале сентября на площади перед сельсоветом построили небольшую сцену. С неё, приехавшие представители из райкома партии, строго смотрели на колхозников и школьников, демонстрируя свою великую значимость. Рядом суеилось местное начальство – председатель, директор школы, местный парторг и офицер – командир строительного отряда, возводивший в селе молокозавод. Это был Василий.

Первым взял слово председатель колхоза.

– Огромное спасибо нашей доблестной Армии за помощь. Она победила фашиста и помогает советскому народу строить светлое будущее. Наш молокозавод сдан в эксплуатацию. Мы благодарим всех солдат, которые хорошо потрудились и сделали всё, чтобы молоко

от наших бурёнок было на каждом столе советского труженика. Слава Советской Армии! Слава трудовому народу! Слава товарищу Сталину! Ура!!!

Все прокричали «ура», а громче всех кричали солдаты-строители.

Потом выступало районное начальство и тоже славilo Красную Армию и товарища Сталина. После торжественной части начался концерт. Он получился с песнями и плясками, «молдовеняску» исполняли на бис три раза, а председатель после завершения праздничного мероприятия пожал Миле руку. И она очень счастливая от успеха и признания её скромного таланта, так необходимого в здешних местах, уже собиралась пойти домой, как почувствовала, что кто-то её обнял за талию. В голове промелькнуло: «он»! Хотела отстраниться, но пересилила гордыню и встретила глаза в глаза с Василием.

- Останешься танцевать? – улыбаясь, спросил он.
- Не собиралась.
- Почему? Оставайся!
- Раз просишь...
- А ты молодец! Твой концерт всем понравился!
- Я рада.
- И платье красивое! Тебе к лицу.
- Спасибо.
- Мои солдаты в тебя влюбились.
- Смутил!
- И как конференсье всем понравилась.
- А тебе?
- Очень!!
- Я думала, что ты меня забыл.
- Если забыл, то сегодня вспомнил.
- А стоит? – с усмешкой проговорила Мила.
- Давай танцевать! Весь вечер только с тобой, – ему очень не хотелось что-либо выяснять.
- Не обманешь? – пошутила она.
- Не бойся, не обману.

Он действительно не обманул и танцевал только с ней...

Потом они гуляли по тёмным улицам села, шутили, пели песни из новых кинофильмов, после вышли за околицу и направились к винограднику, ровными рядами огибающим холмы и пропадающим где-то далеко в ночи...

Луна отсвечивалась в каждой ягодке, которая так и просилась в рот. Василий сорвал пару крупных гроздей уже спелого винограда и подал его девушке. Ей было радостно: за ней ухаживают и она сегодня с приятным молодым человеком! Казалось, что счастье вот-вот окутает её тонкую фигурку в новом платье и уже не уйдёт, и не бросит, потому что в её жизни случилось настоящее... Появился Он!

Они присели на небольшую копёнку сухой травы и кормили друг друга ягодами – даже слегка опьянели, потом целовались, а после случилось то, чего очень хотелось уже взрослому, прошедшему войну мужчине и охмелевшей от его поцелуев и зрелого винограда молоденькой девушке...

С рассветом кавалер засобирался в казарму к солдатам, сказав, что ему обязательно нужно быть к их побудке, а она, засмутившись и поправив растрёпанные косы, ответила: «Конечно, конечно!». И, подождав, когда он скроется из виду, незаметно от сельчан вернулась в хозяйский дом.

Да, это случилось...
И Мила была счастлива!
Она любит и любима.
Он не бросит её на произвол судьбы!
Он обязательно придёт.
Просто нужно немного подождать.
Он человек честный!
К тому же советский офицер.

Прошло несколько дней...
Василий не приходил.

В одиночку терпеть сердечную боль девушка не могла и решила встретиться с подругой. Она была уверена: Оксана поймёт и не осудит. Дождавшись окончания рабочего дня, Мила взяла её под руку и они, не торопясь, пошли вдоль сельской улицы.

– Не знаешь, от чего так тихо? Как будто кто умер, – с грустью в голосе спросила Мила.
– Христос с тобой! Никто не умер. Наши строители уехали. Тебе и показалось.
– Значит всё-таки уехали, – Мила чуть не плакала.
– Ой! Кстати! Тебе тут письмо просили передать. Ты прости, что я забыла. Гришку жду. Вот-вот нагрянет, будем сразу свадьбу справлять, – Оксана достала из сумочки письмо.
– А кто передал? – Мила вскрыла конверт с коротенькой запиской, которую тут же прочитала и убрала в кармашек платья.
– Какой-то солдатик молоденький принёс, – радостная Оксана не замечала нервного напряжения подруги, продолжая делиться своим счастьем, – Мил, мы свинку резать будем. Работы непочатый край! Может, поможешь?
– Помогу, конечно, – пообещала Мила.
– А в письме-то чего?
– Ерунда всякая... Оксана, я немного прогуляюсь. Помогать зайду позже.
– Ладно, иди. Буду ждать!

Мила пошла к морю. Оно слегка штормило. И, глядя, как волны разбиваются о валуны, думала: «Как у них всё просто: накатили, обрызгали и разбежались... А разве у людей не так? Да сколько угодно! Встретил один человек другого на дороге жизни, царапнул чужую душу, полюбовался на капельку крови незнакомца и, не извинившись, исчез навсегда».

Пришла зима... С каждым днём скрывать своё «интересное» положение старшей пионервожатой становилось всё труднее. Живот рос, и зоркие глаза сельчан стали замечать, что молодая девушка уже и не девушка вовсе, а женщина, которая того и гляди родит... От кого –

непонятно! А Мила чувствовала неловкость перед хозяйкой, перед директором школы, перед ребятами. На душе было не просто тяжело, а гадко.

Как-то шла из школы домой. Навстречу ей попала родительница одной из её пионерок. Увидев Милу, она демонстративно криво усмехнулась. А перед самым домом старик, живущий по соседству, будто ждал её нарочно у плетня, чтобы грязно выругаться и плюнуть вслед.

Хорошо, что тётя Поля ещё с работы не пришла. Иначе бы Мила тут же разрыдалась. Войдя в дом, она сняла кацавейку, толстый платок и резиновые ботинки – те самые. Уселась на кровать, покрытую лоскутным одеялом, устало вытянула ноги и заметила дырку на шерстяном носке. Лениво подумала: «Потом заштопаю, – но вспомнила, – а ведь у меня ещё одна пара была!». Достала из-под кровати чемодан и, роясь в вещах, вместо носков вытащила помятый листок бумаги. Это была записка от Василия с его белгородским адресом и припиской: «Мало ли что!» И только теперь она поняла значение этой фразы.

– Аааа... Как же я сразу не догадалась! Не мало, дорогой! Ох, как не мало, – говорила она, будто несостоявшийся жених находился рядом, – мне ведь тогда в голову не пришло, для чего ты оставил эту записку.

Пришла с фермы хозяйка – невесёлая женщина, потерявшая за войну мужа и двух сыновей.

– Мил, ты чего такая расстроенная? Ела? – устало спросила она.

– Нет, тётя Поля, не ела и не хочу.

– Ребёнка заморишь, давай ужинать! – а увидев у Милы в руке записку, поинтересовалась, – письмо? От кого?

Мила не стала скрытничать и протянула записку хозяйке. А та, прочитав, неожиданно радостно воскликнула:

– Так это совсем другое дело! Ему нужно написать. Где это видано, чтобы офицеры своих детей бросали. А комиссариат на что? Можно и туда сообщить, чтобы приструнили...

– Тётя Поля, миленькая! Не надо никуда писать. Любил бы – давно вернулся. Значит, не любил! Я ведь не знаю о нём ничего. Может, у него жена и дети есть!

– Как же так? Мила!

– Не спрашивайте! Мы же почти ни о чём не говорили. А как стыдно! Бабы шушукаются, пионеры хихикают. Давеча директор и тот высказался...

– Он-то чего?

– Ты же, говорит, не гуляла ни с кем! Не гуляла, а нагуляла... Такая вот расплата за минуту счастья.

– Ладно. Не горюй! Вырастим твоё дитя. Чать, не война. Давай ужинать!

– Устала я, голова болит, и спать хочу.

– Тогда ложись! Ложись и спи.

Мила уснула. А хозяйка всё поглядывала на записку, которую квартирантка не спрятала. Поужинав, помыла посуду, аккуратно вытерла стол, а затем, вынув из тумбочки карандаш и чистую тетрадку, сначала занесла в неё белгородский адрес Василия, а затем старательно и подробно описала положение Милы. Закончив, вырвала исписанный листок, свернула вчетверо и сунула в карман своего полубубка.

Весной Мила родила девочку. Она по-прежнему жила у тётки Поли, и та была этому рада. Оставшись одна, хозяйка Милы утратила вкус к жизни. Дни её были похожи один на другой, без эмоций и радости. А тут – ребёнок. Пусть чужой, а всё равно маленькое чудо: вот лежит, посапывает, такая хорошенькая, даже волна счастья накатывает и не отпускает.

После первомайских праздников к ним зашла почтальонка. Поздоровавшись, она не поленилась, прошла в горницу, посюсюкала с малюткой, порадовалась ранней весне, а потом, вручив удивлённой Миле письмо, попрощалась и ушла.

– Дай-ка я его тебе почитаю. Аж трясёшься вся! Смотри, чтобы молоко на нервной почве не пропало! Присядь, успокойся и послушай! – предложила тётка Поля, а затем громко и с выражением стала читать послание из Белгорода. Оно было не от Василия, а от его матери. – *«Здравствуй, Мила! Не надо было тебе отпускать моего сына, а надо было расписаться в сельсовете сразу, как между вами это случилось. А теперь уже поздно. По возвращению он женился на женщине с ребёнком. Живут они хорошо. У неё есть дом и корова. Но ты не переживай. Если согласишься, то можешь выйти замуж за моего старшего сына. У него была жена, но она умерла. Вася сказал, что ты не лентяйка, а потому подойдёшь для нашей семьи. Надумаешь, так напиши, и мой старший сын Витя за тобой приедет. Если ребёнок уже родился, то здесь распишитесь и здесь зарегистрируешь ребёнка на нашу фамилию. До свидания! Ждём ответ».*

- Тётка Поля! Ваша работа? – недовольно спросила Мила.
- Помочь хотела.
- Не надо было.
- Поверь! Такого ответа я не ожидала! – сокрушалась хозяйка.
- Променял мой сокол нас с дочкой на тётку с коровой.
- А может...
- Нееет! Никаких Васек и Витек. Обойдёмся!
- Прости меня – дуру старую! Гордая ты. Тяжело тебе будет.
- Ничего... Проживём! Сами говорили: чать не война.
- Конечно, проживём! Вырастим твою дочку, я помогать стану.

Но в это непростое время Милу поддержала не только тётка Поля. Как-то в сельмаг с утра пораньше заглянул председатель и завёл с продавщицей интересный разговор:

- Слушай, Оксана...
- Да, Николай Иванович. Слушаю!
- Спросить хочу... Как там Мила?
- Всё хорошо. Скоро на работу выйдет. Только дочку в ясли определит.
- Девочка здорова?
- Здорова. Но маленько орастая!
- Орастая это по-нашему. Значит, будет активная как мамка.
- Я вот о чём... Слышал, будто у тебя в очередях бабы ей кости моют. Это плохо! Пресекай их разговоры.
- Поняла, Николай Иванович. Буду пресекать.

– Ты пойми... А ежели она психанёт и от нас в район уедет? Нашу Милку туда с пре-великой радостью возьмут. Намеркали уже! Мы же первые места по художественной самодетельности благодаря ей держим. Ведь народу ничего не нужно! У всех только собственное приусадебное хозяйство на уме, куры да свиньи Она одна как оглашенная по селу носится да из пионеров и старых бабок артистов делает. Так что – пресекай! Договорились?

– Договорились. Только...

– Говори, не стесняйся!

– Жильё бы ей, Николай Иванович!

– Жильё будет. Дом на семь комнат заложили, восьмая кухня. Кухня – общая, но ничего... Всё лучше, чем по чужим углам мыкаться. Можем и тебе с Гришкой комнату выделить? Будешь отдельно от матери жить.

– Спасибо! Я уж лучше поближе к курам и свинкам.

– Ну, гляди! А женихи для Милки и здесь найдутся. Вчера парня-связиста к нам в колхоз на работу принял, из армии ребята возвращаются. Пусть не горюет. Счастье там, где ты нужен. А Милка нашему колхозу очень нужна! Так ей и передай.

– Передам, Николай Иванович. Обязательно передам!

– Всё. Хлеб привезли. Торгуй – давай! – и председатель ушёл.

Так закончилась история первой любви старшей пионервожатой. И началась для неё совершенно другая жизнь... С новыми радостями и горестями, которые каждому человеку для чего-то даны!

P.S. После описанных выше событий, на адрес Василия пришла посылка с яблоками. Это показалось странным – на белгородчине и свои фрукты прекрасно вызревали! Яблоки вынули. На дне ящика увидели маленькую коробочку с пустым патроном... То, что посылка была от Милы, никто не сомневался, но предназначение странного подарка из коробочки разгадать оказалось не под силу. Мать Василия долго думала, к чему бы это? Потом пошла к гадалке и получила ответ: её сын теперь пустой! Больше у него детей не будет.

Вскоре женщина слегла...

Сказание об Анне

«Дела давно минувших дней...» А.С.Пушкин

- Боярышня пропала, – неожиданно на весь двор заголосила старая нянька.
- Погоди орать-то! Ищи лучше! Может она играет с тобой, а ты кричишь, как оглашенная. Разбудишь хозяина – не поздоровится, – наставлял няньку старший конюх.
- Уж солнце к закату клонится, а он всё спит. Ночью чего делать будет? Глаза выголя лежать? – заворчала старуха.
- Не твоего ума дело, – ухмыльнулся конюх. – Сейчас людей да девок кликну, пушай боярышню вместе поищут.
- Ох, худо! Ох, худо! Умыкнули нашу красавицу, чует моё сердце – умыкнули! – причитала нянька, суетливо оглядывая двор и запоры на воротах.

Пришлось-таки разбудить хозяина, почивавшего после обеда, и он вместе с дворней принялся искать дочь. Осмотрели каждый уголок в усадьбе, оглядели сад, спустились к реке, но молодой боярышни след простыл. Её вещи и украшения лежали на своих местах, покои чисто убраны – значит, не сбежала, а была похищена – уверился боярин, и защемило немолдое отцовское сердце, да навалилась тоска чёрная. Что же это за напасть такая на семью его! Пятнадцать лет прошло, как похитили жену любимую, чуть не помер тогда от душевной боли. Одной дочерью и жил после, которая обличьем на мать становилась похожа: чем старше, тем больше. Теперь вот и её полонили – красавицу синеглазую и русоволосую! Любит таких татарва, крепко любит. И ни за какие богатства не соглашается вернуть. А в том, что воры именно они, боярин не сомневался.

Прошлый раз к ногам князя дары клал немалые, чтобы помог найти жену. Князь и людей выделил для поисков, и гонцов к татарве разослал – не помогло! Теперь и дочку – радость последнюю увели. А как надеялся выдать её за хорошего человека, чтобы родила ему внука-наследника. И вот мечты далеко за воротами усадьбы заплутали, а жизнь что ночь безлунная установилась.

Тоскуя, неприкаянно бродил по своему большому терему, омывая слезами углы в палатах, и даже за недогляд драть дворню сил и желания не было... Но как-то обратил внимание на юркнувшего под лавку мальчонку – сынишку старшего конюха, который, завидев хозяина, решил упрятаться подальше. Боярин, было, мимо прошёл, только краем глаза заметил на белой печи, что напротив лавки, какую-то рябь. Глянул и ошеломлённо охнул! На него, широко раскрыв глаза, смотрела жена и дочь в одном лице. Не то Аннушка, не то Любушка.

- Кто сделал? – еле выговорил он.
- Я, – из-под лавки выполз сынишка конюха.
- Как?
- Угольком.
- Ладно вышло! Чертёнок чумазий.
- Я уберу, – испуганно залепетал мальчонка.
- Не смей! А ещё сможешь?
- Смогу.
- Скажи отцу: пусть найдёт доску широкую, выбелит её, и ты мне Любушку ещё разок изобразишь.

- Лики человеческие повторять – это я с радостью! – расхвастался умелец.
- Ишь ты? – удивился боярин.

И вскоре в трапезной, как раз напротив окна, прибили доску с изображением единственной дочери. На душе боярина посветлело, и он вдруг уверился, что его Любушка жива, здорова, просто ненадолго вышла погулять и обязательно вернётся!

Прознав о кручине боярина, к нему с утешением приехал младший брат со своим молодым другом, служившим толмачом у князя. За обедом боярин заметил, что друг брата очень внимательно смотрит на изображение дочери. Предварив вопрос хозяина дома, гость спросил:

- Боярин, это и есть твоя жена?
- Дочка. Она на жену очень похожа, – грустно ответил тот.
- Хороша! – внимательно глядя на рисунок, восхитился толмач.
- Сердце кровью обливается и одновременно на радость исходит, когда смотрю на лик сей.
- Мне кажется: я видел женщину очень похожую на твою дочь.
- Где! – воскликнул боярин, и сердце его радостно забилося.
- В одном из улусов, куда ездил по поручению князя.
- А сколько ей годков?
- Думаю, поболее тридцати.
- Это жена. Аннушка, – боярин в волнении привстал и, держась за стол, спросил, – она рабыня?
- Скорее наложница. Одета богато, и отрок с нею рядом – лицо ангельское, но телосложением крепко.
- Попрошу князя, чтобы позволил мне поехать в тот улус.
- Тебе не нужно! Мы сделаем по-другому, – ответил молодой толмач и добавил, – я помогу, но...
- Проси чего хочешь!
- Отдашь в жёны дочь?
- Ты сначала найди её.
- Найду!
- Будешь люб – отдам!

Князь в помощи боярину опять не отказал и отпустил толмача с небольшой дружиной к хану, передав для него грамоту с пожеланием здоровья и богатые дары, в душе надеясь: придёт время и потеснит он хана подальше на восток и отвяжется от обязательства платить дань немалую да из полона людей своих освободит.

Молодой толмач по имени Андрей Васильев, побывав у Великого Тимерхана, свернул в сторону знакомого улуса, владел которым Хайдар – сын хана от одной из его наложниц.

По случаю приезда княжеской дружины с обозом немалого добра Хайдар устроил праздник. Вот здесь Андрей и надеялся встретить женщину, показавшуюся ему похожей на дочь боярина. Делая вид, что доволен оказанной ему честью и вниманием, во время обеда исподволь поглядывал на прислужниц, но среди них знакомого лица не нашёл. И только вечером по окончании праздника, когда награждали воинов, победивших в скачках и борьбе, толмач опять

увидел ту самую женщину. Именно она подносила подарки победителям. Андрей догадался, что это не простая наложница: явно эта женщина в богатых одеждах имеет прямое отношение к большой семье самого хана. После вручения наград гостей усадили в большой круг и стали угощать кумысом, а молоденькие рабыни пели и танцевали, перед дружинниками, завлекая их на прекрасную ночь любви.

Андрей изнемог от ожидания момента, когда можно будет переговорить с Анной. И тут к нему подошёл паренёк, которого он видел на сегодняшнем празднике и рядом с ней в прошлый приезд. Юноша присел рядом.

- Русский, тебе понравились скачки? – без обиняков спросил он.
- Да. Ты оказался быстрее всех, – Андрей сначала растерялся его натиску, но затем обрелся шансу вывести главное.
- Твои люди тоже быстрые воины. С такими не стыдно соперничать.
- Рад такой оценке. Ты сын Хайдара? – наобум спросил Андрей.
- Да. Почему спрашиваешь? Разве не знаешь? Хотя... Нас у отца пятеро.
- Волосы твои светлые и глаза синие.
- Среди наших воинов много синеглазых. Небо одно на всех.
- Согласен. А кто твоя мать?
- Она жена Хайдара.
- Вот как? – нарочно удивился Андрей, догадавшись уже сам, – но она не похожа на татарочку.
- Мама из ваших. Только молчи. Отец запрещает говорить о том.
- А как её русское имя?
- Зачем тебе? Ладно... Скажу. Сам знаешь, если сделаешь плохо – убьют.
- Не сделаю. Клянусь честью воина.
- Анна.
- Ты береги маму и не давай в обиду. Никому!
- Никто и не посмеет. Отец убьёт любого.
- Любит?
- Больше жизни! А вот и она, – улыбнулся юноша.

Андрей обернулся и увидел Анну, за которой шли три прислужницы, остановившиеся чуть поодаль и не сводившие глаз со своей госпожи.

- Аглияр, тебя хочет видеть отец. Поторопись, – обратилась она к юноше, и тот сразу поспешил к самой большой и богатой юрте.
- Доброго здоровья, Анна, – тихонько сказал Андрей, – я от твоего мужа – боярина Владимира Малышева.
- Долго же он меня искал. Его сын вырос. Пятнадцать годков недавно исполнилось, – тихонько и на родном языке проговорила женщина.
- Может тебя увезти?
- Не получится! Поймают – убьют всех. Да и привыкла я уже.
- Дочь твою тоже украли. Боярин сохнет от горя и тоски.
- Несчастье-то какое! – ужаснулась Анна.
- Передам боярину, что ты жива, здорова и сына его растишь.
- Скажи, что помню мужа, данного мне богом, и пусть простит за мою другую жизнь.
- Всё передам, Анна!
- За дочь узнаю. А сейчас уходи! Служанки коршунами косятся.

На другой день толмач с дружиной отправился в родные края, а Анна теперь только и думала, как отыскать среди пленников свою дочь. И когда, по её разумению, Андрей был уже на подступах к родной стороне, она завела с мужем тревожащий сердце разговор.

– Так быстро выросли наши сыновья! Аглияр совсем взрослый стал, – начала она изда-
лека.

– Да. Уже мужчина. Победил в скачках на празднике в честь русских. Пусть знают, что
наши воины самые быстрые и самые сильные.

– Спасибо, что никого не обидел и отправил моих соплеменников с миром.

– Грустишь? – Хайдар обнял жену.

– Очень тебя люблю. Но...

– Скажи, и я сделаю всё, что захочешь.

– От русских узнала...

– Говори! – Хайдар нахмурился.

– Моя дочь похищена. Тревожусь за неё. К кому она попала? Что за люди? Никогда ни
о чём тебя не просила. Давно смирилась со своей судьбой и даже благодарю её за тебя и детей.
Но сейчас очень прошу – помоги! Спаси мою дочь. Верни её отцу.

– Сделаю. Но обещаю никогда больше не напоминать о своём прошлом.

– Обещаю!

Вскоре Хайдар с воинами отбыл к хану.

Великий Тимерхан ценил сына за доблесть и силу. Да, Хайдар мог приумножить земли,
а вот покончить с родовыми распрями не умел. Здесь нужна была хитрость и изворотливость.
Вокруг крепили чужие племена, желающие в любой момент напасть и оттеснить Тимерхана
к горам, подальше от зелёных пастбищ. В последние годы он всё чаще беспокоился о неруши-
мости своих владений. Нужно укреплять род, а для того связывать его кровными узами с дру-
гими племенами. Один Хайдар у него остался, остальные сыны погибли юными в сражениях,
а сам он уже не молод, и детей иметь не может. У Хайдара сыновей пятеро и это хорошо. Жаль,
что кроме Аглияра, женить пока некого, остальные малы ещё. Но Хайдар-то здоровый и креп-
кий мужчина, только живёт с одной русской и других жён не желает. А это плохо! И тогда
Тимерхан задумал хитрость...

– Хайдар! У меня для тебя подарок, – в первый же день по приезду сына сообщил он.

– Благодарю, Великий хан! – поклонился тот.

– Мне тут красавицу доставили. Глянешь?

– Если хочешь, – безразлично ответил сын.

– Не понравится – возьму себе. Будет забавлять меня танцами перед сном.

– Прости! Я готов посмотреть.

Тимерхан хлопнул в ладоши, и в юрту вошла девушка с головы до пят покрытая лёгким
покрывалом.

– Снимите, – скомандовал хан, и прислужницы аккуратно его убрали.

– Ах! – вырвалось у Хайдара.

Перед ним стояла его юная жена. Именно такой он увидел свою Анну впервые. И, конечно, сразу догадался, что это её дочь. Он оценил коварство отца, но постарался сдерживать эмоции и пока промолчать.

- Что скажешь? Знакомо личико?
- Да, Великий хан.
- Может оставить девочку себе вместо игрушки?
- Воля твоя!
- Ладно! Вижу, что понравилась. Дарю!
- Спасибо, отец! – сдерживая радость, проговорил Хайдар.
- С одним условием...
- Слушаю!

– Возьмёшь второй женой Салиху – дочь Мурзахана. Она у него единственный ребёнок, как и ты у меня теперь. Не дал ему Всевышний детей более. Потому очень ею дорожит и любой каприз исполняет. По слухам, девочка давно тебя любит. Племя их очень богатое, и Мурзахану нужен наследник. Коли возьмёшь в жёны Салиху – бери русскую и делай с ней, что хочешь, а нет – воинам на потеху отдам.

- Повинуюсь, Великий хан. Твоя мудрость достойна наших предков. Беру русскую себе.
- То-то! Меньше думай о своём улусе, а больше обо всём ханстве.

«Хитёр хан, очень хитёр, – думал по дороге домой Хайдар. Чтобы заставить меня жениться второй раз, выкрал у боярина Малышева дочь Анны – дочь моей любимой Айгуль. Это имя я выбрал для жены сам, когда впервые увидел её в лунную ночь. Она показалась мне похожей на чудесный неизвестный доселе цветок! И дочка также прекрасна и нежна: главное – цела и невредима».

Возвратившись в свой улус, Хайдар отправил Любашу с прислужницей в юрту для гостей, а сам сразу встретился с Анной.

- Айгуль! Придётся тебя огорчить, но волю отца я выполнить обязан.
- У тебя появится вторая жена? – догадалась Анна.
- Да. Но это ничего не значит. Ты останешься любимой!
- Как её зовут?
- Салиха.
- Надеюсь, она соответствует своему имени и, живя здесь, не изойдёт на ревность и злобу.
- Не переживай! Отправлю её в самую дальнюю юрту.
- Не нужно! Я чту ваши обычаи, и пусть она живёт рядом. Постарайся Салиху полюбить, но, конечно, чуточку меньше, – с улыбкой сказала Анна.
- Ты мудрая женщина! А теперь самое главное!

Анна замерла...

- Я привёз твою дочь
- О, Хайдар! Где она?
- Сейчас приведут.

Хайдар обнял жену и заставил присесть на подушки.

Привели Любашу. Девушка, насмотревшись в плену на жизнь чужих людей, уже не верила в доброе и приятное. Её не били, не обижали, более того – пылинки сдували, но она всё время ждала плохого и страшного. Кто-то намекнул, что она станет наложницей Великого Тимерхана – уже старого и очень жестокого. Любаша испугалась и всё время ждала, когда это случится, вздрагивая при виде любого мужчины. Перед ханом она стояла, склонив голову, и, видимо, ему не понравилась, потому что её опять куда-то повезли... По дороге один большой и красивый человек однажды погладил девушку по голове и угостил сладкой хурмой. Его звали Хайдар.

Анна, любуясь дочерью, на время онемела. А Любаша, глядя на незнакомую русскую женщину, вдруг увидела в ней себя. Отец рассказывал, что матушку выкрали татары, девушка её не помнила, и вот мать перед ней, с глазами полными слёз, готовая вот-вот разрыдаться.

– Доченька моя, – Анна поднялась с подушек, подошла к Любаше и обняла.

Хайдар, немного ревнуя, наблюдал за женой, не зная, радоваться ему или тревожиться за будущее своего рода. Может, надо было оставить девчонку хану, и пусть бы тот на старости лет утешался прелестями юной красавицы. Но вспомнив о слове данном Айгуль, решил не терзать сердце непонятной грустью и, отпустив Любашу отдыхать, а жену успокоив, сказал:

- Я помог вернуть тебе дочь.
- Спасибо, Хайдар! Никогда не забуду твоей доброты.
- А теперь будем готовиться к свадьбе.
- Хорошо. Но позволь узнать...
- Что?
- Когда мы отправим Любашу домой?
- Зачем? Пусть живёт с нами. Найдём ей молодого богатого мужа, и будет жить, как ты.

Разве тебе плохо?

- По ней тоскует её отец, – грустно ответила Анна.
- Всё своего боярина забыть не можешь, – неожиданно съязвил Хайдар.
- Я-то забыла. А она отца не забудет. Он же девочку растил без матери.
- Хорошо. Уедет с Андреем Васильевым. Он на днях будет, – с раздражением отве-

тил муж.

Анна почувствовала недовольство Хайдара и подумала: видимо ревнует её к прежней жизни. Но почему? Минуло немало лет, как она покинула родимый дом, любит мужа, и он о том знает. У них пятеро детей, и вдруг эта непонятная злость! А Хайдара действительно злило даже маленькое упоминание Анны о своём прошлом. Он обожал её и делал всё, чтобы жена жила настоящим: баловал и все ночи, будучи дома, проводил только с ней; сундуки её ломились от одежд и украшений, фрукты и восточные сладости регулярно привозили в улус с южной стороны; любил своих сыновей: играя с ними, приучал к взрослой жизни воина и потому считал, что его Айгуль должна давно забыть край, где родилась, бывшего мужа – боярина, и быть всем довольна.

Толмач Андрей Васильев приехал как раз к свадьбе Хайдара и Салихи. Он уже знал, что Любаша встретилась с матерью, и был этому необыкновенно рад, потому как однажды увиден-

ный образ девушки, нарисованный угольком на доске, преследовал его постоянно, и Андрей мечтал скорее увезти Любашу домой.

Вторая жена Хайдара на своей свадьбе выглядела очень счастливой. Она уже год любила этого большого и красивого мужчину. Среди татар высоких немного, но Хайдар был именно таким. Видимо, уродился в мать – персидскую красавицу.

Салиха впервые увидела его на большом празднике воинов, на который собирался народ с разных племён. Сначала хранила свою любовь в сердце, но Мурзахан заметил грустные глаза дочери и, когда она раскрыла причину девичьей тоски, пообещал, что дочь обязательно станет второй женой Хайдара! И тогда ласками да молодым телом пусть обольщает наследника Великого Тимерхана. А ещё неплохо бы змеёй вползти в новую семью, стараясь нащупать слабое место в отношениях старшей жены и её мужа и, внеся туда разлад, полностью завоевать сердце Хайдара, чтобы родившийся у него от Салихи сын в будущем стал Великим ханом. Ради этого Салиха и старалась: обольщала и вползала...

В первую брачную ночь она демонстрировала мужу всё, чему учила её мать. Хайдар ослабился, забыв на время о своей Айгуль, и позволил юной красотке ублажить себя. Выполнив супружеский долг, встал с постели, пожелав уйти в свою юрту, но молодая жена попыталась его удержать:

- Подожди! Побудь со мной ещё немного.
- У меня много дел.
- Но утро только наступило! Или тебе не наскучили прелести старой вруньи?
- Замолчи! – крикнул Хайдар, – ещё раз услышу, как ты хаешь Айгуль, ноги моей в твоей юрте не будет.
- Прости за правду, – Салиха опустила глаза, зная, что зерно скандала, брошенное ею вовремя, обязательно прорастёт.
- Говори, – насторожился муж.
- Аглияр не твой сын.
- Что ты сказала? Я убью тебя, – прошептал сквозь зубы Хайдар.
- Слышала, как толмач передавал твоей жене от её русского мужа пожелания здоровья и просьбу обнять его сына, – сжавшись в комок от страха, пролепетала Салиха.
- Когда слышала?
- В прошлую ночь перед свадьбой я почти не спала, и утром у меня закружилась голова. Вышла на свежий воздух. И прямо у своей юрты увидела, как Айгуль и толмач разговаривали между собой.
- Они говорили на нашем языке?
- Да. Я ещё подумала: совсем страх потеряли.
- Проверю. Если врёшь – умрёшь в одиночестве.

Такая новость могла свести с ума любого мужчину. Хайдар вбежал в юрту Анны, лицо женщины тут же осветилось счастьем. Ещё бы! После первой брачной ночи со второй женой, муж с утра пораньше возвратился к ней! Но заметила, что тот очень серьёзен, а в глазах сверкают злые огоньки. Так бывало всегда, когда он возвращался после походов и набегов, в которых терял близких друзей.

- Айгуль! Ты мне обещала не напоминать прошлое.
- Я слово держу.

- О чём говорила с толмачом?
- Говорила, что ты отпустишь Любашу к отцу.
- Аглияр сын боярина? – напрямую спросил Хайдар.
- Да, – еле слышно прошептала Анна.
- Почему сразу не сказала?
- Ты бы убил меня.
- Красивых женщин не убивают. Их очень любят воины, – усмехнулся Хайдар.
- Убей меня сейчас. А детей пожалей. Ради всего хорошего, что между нами было.
- Уже не верю в это хорошее.
- Почему? – спросила Анна и, глядя мужу в глаза, ласково проговорила, – я полюбила тебя сразу, как увидела! Поэтому не жалею, что оказалась в чужой стороне и давно не тоскую по родной земле.
- А как же боярин?
- Я из небогатой семьи. Меня сосватали, не спросив.
- Ты его любила?
- Полюбить не успела. Дочку родила, и скоро меня выкрали. Что опять беременная – поняла позже.

Хайдар задумался, а потом решительно произнёс:

- Теперь всё равно. Молчи и слушай... Собирайся! Ты с дочерью едешь домой вместе с толмачом и его дружиной. Вас будут охранять мои воины. Можешь взять любую одежду и украшения. Всё!
- А мои дети?
- Это мои дети и Аглияр тоже.
- Можно с ними попрощаться?
- Нет!
- Отпусти дочь, а мне позволь остаться. Я умру без вас, – Анна, закрыв лицо руками, заплакала.
- Не умрёшь! Мне обманщица не нужна.
- Хайдар, поверь! Я всегда любила только тебя.
- Скажешь это своему боярину, – опять усмехнулся муж, повернулся и ушёл.

Случилось так, как решил сын Великого Тимерхана! Анну с Любашей увёз на родину толмач Андрей Васильев. Хайдар очень скоро взял ещё двух жён, а Салиху отправил в самую дальнюю юрту и наказал ей под страхом смерти держать язык за зубами, навсегда забыв имя Аглияр.

Благополучно добравшись до родных земель, Анна и Любаша были радостно встречены боярином Владимиром Мылышевым. Любаша вскоре вышла замуж за Андрея, и у них родился мальчик. Они зажили своим домом. А Анна так и не смогла полюбить своего венчанного мужа и привыкнуть к усадьбе. И даже построенный специально для неё домик, напоминающий юрту, не радовал сердце и душу женщины, до скончания дней тоскующей по сыновьям и своему татарскому мужу...

Графинюшка

- Барышня, зачем же вы одна на речку пошли? Ведь обидеть могут!
- Да кто в этой глуши меня обидит! Кроме гусей да уток нет никого.
- Как же! Давеча прачку аккурат туточки напугали. Говорит: еле ноги унесла от охальников.
- Сравнила тоже... Наша Марковна, что свежий пирог с вишней! Есть за что ухватить, а я? Худенькая, бледненькая... Фу! Самой противно. И в кого только уродилась? Вроде и маменька красавицей слыла, и папенька, говорят, дамам нравился...
- Ой, барышня, зачем вы на себя напраслину возводите? Сами женихов чуть не метлой гоните, опосля жалуетесь. Давайте я вам рубашечку выжму!
- Выжми! Я платье на голое тело надену. До дома дойду – там переоденусь.
- Вот и ладно.
- Дарья! Ты чего прибежала-то?
- Письмо привезли от князя Северского. Уж, какой красавец – аж сердце заходится! Жаль, что сам не явился...
- Так может ему подарок сделать?
- Да смеюсь я, смеюсь! Я вас, барышня, ни на кого не променяю, ежели только сами от меня откажитесь.
- Не зарекайся! А до князя охотниц и без тебя достаточно. Где письмо-то?
- В спальенку отнесла. Там и оставила.
- Отчего с собой не взяла?
- Думала, вы в доме. Обыскалась...
- Тоже мне – дворец нашла! Заплутала в четырёх комнатах да одной людской – всё моё наследство!
- А скотный двор, а сад? Разве мало? Всюду прибрано, люди довольны. Да с такой хозяйкой век живи – не тужи!
- Всё верно, Дарья! Всё верно. Грех бога гневить. Идём уже! Посмотрю, что там князь написал, да и завтракать мне пора...

Было прекрасное летнее утро, обещавшее жаркий денёк. От речки к барскому дому шли две юные прелестницы. Одна из них – графиня Софья Николаевна Быстрова, другая – её дворовая девушка. Дарья несла мокрую рубашку своей барышни, а графиня, распустив волосы, похожая на лесную сказочную фею – лёгонькая и быстрая, торопилась прочитать письмо от соседа – богатого помещика Антона Андреевича Северского. Он частенько навещал девушку, да и у себя в доме её с радостью привлекал.

Уж так вышло, что страшный мор унёс в могилу обоих родителей Софьи. Она гостила в это время у бабушки, потому осталась жива. Старушка взяла над девочкой опеку и, продав домик в Петербурге, стала жить вместе с ней в небольшом имении сына.

Софья обучилась грамоте очень рано: по бедности обошлась без гувернанток. Пока батюшка был жив, то с удовольствием с ней занимался, не жалея времени. Она прочитала все книги, что были в его кабинете, и отнеслась к прочитанному очень серьёзно. Жизнь и поступки героев переносила на себя, рассуждая, как бы она поступила в данный момент и в данной ситуации. Рано повзрослев из-за смерти родителей, решила помогать бабушке в управлении имением, и потихоньку всю заботу о старушке и своих крепостных взяла на себя.

В письме Антон Андреевич уведомлял, что скоро по делам уедет в Петербург, но перед отъездом устраивает бал и приглашает к себе соседей. Софью Николаевну желает видеть обязательно и пришлёт за ней свою коляску.

Юная графиня очень обрадовалась предстоящему празднику. Наконец-то можно будет развлечься, потанцевать, поболтать на французском, а то окончательно превратилась в обычную помещицу, у которой все думы о новом урожае, да удое. Для графской дочери это должно быть странно, впрочем, её такая жизнь вполне устраивала.

Грациозная и в новом платье она приехала во дворец князя будто принцесса, удивив своим появлением тех, кто уже не помнил о её существовании. Соседи давно забыли графа Быстрова: умер и умер. Да, была у него дочь, но она ещё маленькая... И вдруг явилась девушка – хорошенькая, естественная в поведении, но знающая себе цену. Местное дворянство отнеслось к ней по-разному. Кто-то принял радушно, а кто-то пожалел обычного приветственного кивка – не богата, без связей, платьице дешёвенькое, в волосах полевые цветочки. Конечно, для деревенской жизни миленько, но здесь же общество – надо понимать! Только хозяин торжества сумел красиво и с достоинством представить её гостям:

– Прошу познакомиться с моей протеже! – он сделал акцент на последнем слове, – дочерью покойного Николая Васильевича Быстрова. Мы прошли с ним кампанию восемьсот двенадцатого года. Он был храбрым воином и моим хорошим другом. Сейчас Софья Николаевна проживает вместе с его матушкой. И, поверьте, такого порядка, как в её небольшом поместье не у каждого взрослого мужа сыщешь, а уж бумаги ведёт аккуратнее любого немца.

Гости поняли намёк князя – покровительство богатого и знатного человека дорогого стоило. И в этот вечер Софья танцевала и веселилась, не ощущая недостатка во внимании кавалеров.

Но были две знатные дамы, которых покорила симпатия князя к молоденькой дворянке. Запахавшись от танцев, они присели на диванчик в гостиной и не преминули на этот счёт промеж собой пошутиться...

– Поступок князя достоин всяческих похвал, но не стоило приглашать эту девицу в наше общество, – ревниво и сквозь зубы проговорила одна из дам, имеющая собственные виды на хозяина особняка, – хотя... для деревенской жизни сойдёт, – пожалала она плечами.

– Почему же? Особа титулованная, а значит наша, – усмехнулась другая.

– Два десятка крепостных душ, одна деревенька да домик в четыре окна – вот всё, что имеет эта титулованная особа. Наш князь решил поиграть в благородного рыцаря.

– Ох, Евдокия Ивановна! Совершенно тому не удивляюсь. Он бывал у нас в доме. После возвращения из Европы стал вести странные речи об отмене крепостного права, и всё больше становится похожим на бунтовщика.

– Но это невозможно! О чём он думает? Вот что значит остаться без жены. Будь она жива, то не позволила бы мужу заниматься всякими глупостями.

– Так заведите его! Была бы я свободна, то непременно опечатала этот кладик.

– Вы думаете, я не пытаюсь? Но моих намёков он не понимает или не хочет понимать.

– Вот как? Попробуйте действовать через эту Софью. Окажите ей внимание, подарите что-нибудь. Он заметит, что вы добры, не спесивы и оценит. Вот и будет ему равенство с братством!

– Ваши слова очень странные. Где вы их наслушались?

– Мой муж пытался о подобном рассуждать, но я быстро поставила его на место: спросив, чтобы он делал без своих крепостных? Сам бы землю пахал? Да, и в Сибири места много...

– Значит, советуете действовать?

– Конечно! Потом перевоспитаєте. Не забывайте – он очень богат!

– Пожалуй, вы правы... Только у него есть сын. А я чужих детей не люблю.

– Ах, Дуня! Какой пустяк! Отправьте мальчишку в кадетский корпус.

– У вас на всё есть ответ.

– Поживите с моё!

И обе дамы громко расхохотались...

После бала разъехались не все. Те, кто остался, разошлись на отдых по комнатам большого княжеского дома. Софье спать не хотелось и, захватив свечу, девушка поднялась на второй этаж в библиотеку. Здесь она уже бывала, потому знала, на какой полке стоит, интересующая её книга. Присев с ногами на диван, стала перелистывать страницы, выискивая неп прочитанные главы.

– Знал, где можно найти Софью Николаевну, – неожиданно услышала она знакомый голос.

– Простите, Антон Андреевич! Я без спроса.

– Даже рад, что вы здесь. Что читаем?

– «Земледелие» Марка Катона.

– Оо! Замечательное сочинение. Ему уже больше двух тысяч лет.

– В нём столько полезных советов! И по строительству, и по землепашеству, и по скотоводству...

– А как же рыцарские романы?

– Когда не могу уснуть, то читаю их, – улыбнулась Софья.

– Умница, – дрогнувшим голосом проговорил Антон Андреевич и убрал ей за ушко длинный локон, спадающий на лоб и закрывающий глаза.

– Благодарю за комплимент, – ответила она, приложив руку князя к своей щеке. Это вышло для неё самой настолько естественно, что девушка даже не смутилась.

Свечи в канделябре потрескивали, и создавалось ощущение, будто за ними кто-то подглядывает. Князь взял с кресла плед и укрыл им ноги гостьи.

– Можно я останусь здесь до утра, – попросила Софья.

– Вам можно абсолютно всё, – ответил он с доброй усмешкой и, немного постояв, будто ожидая чего-то только ему ведомого, вышел из библиотеки.

– Ах, ах, ах! Как мило, – неожиданно раздалось из дальнего угла комнаты, – оказывается вы здесь уже завсегдааи!

Софья вздрогнула, подняла голову и увидела княгиню Евдокию Ивановну Заднепровскую.

– Простите, я вас не заметила, – девушка вскочила с дивана и хотела убежать.

– Нет-нет! Отдыхайте. Я не побеспокою, – и Евдокия Ивановна, нехорошо засмеявшись, вышла, оставив молодую графиню мучиться в неприятных предположениях до утра.

«Что теперь будет?» – думала девушка, распаляя своё воображение. Она уже успела отметить злой язычок княгини. И как только забрезжил рассвет, попросила одного из слуг князя, чтобы её отправили домой.

Утром Антон Андреевич был очень удивлён неожиданному отъезду Софьи и подумал: «Видимо она пожалела о своём милом жесте, испугавшись нежных чувств взрослого мужчины». А потому решил прекратить явное ухаживания в её адрес, только мечтать о девушке не перестал. И послал ей в имение популярные книги по естественным наукам, медицине и редкие комнатные растения из своей оранжереи – единственное, что она могла бы принять.

А вспоминая ночную прогулку по саду, которая случилась в ту же ночь, передёргивал плечами и морщился: «И так себя ведёт великосветская дама? Даже в борделях женщина прежде, чем отдаться, сначала мужчину заинтригует, попытается – понравится. А эта... Противно вспоминать! Разделась, оголив свои прелести... не первой свежести. Прямо в саду. А если бы увидел кто-то из гостей или слуг? Решила, что ей позволительна любая выходка? Фу! Еле увернулся и упросил одеться. Кстати, фигура-то у княгини так себе. Толста, матушка, толста. Даже неприятно».

Но Евдокия Ивановна не простила князю явного отказа в любовной утехе и затаилась: «Подожди, Антон Андреевич! Я ещё напомню тебе эту июльскую ночь. Придёт времячко – в ноги упадёшь. А твою Софьюшку опозорю на всю губернию. Нигде её не примут, нигде руки не подадут. Будет сиднем сидеть в своём захолустье без женихов и подруг. В старых девах на веки вечные останется».

И, прощаясь с князем, сделала вид, будто перед ним не ослабилась, а ночной сцены не было вовсе:

– Ах, Антон Андреевич! Ваше шампанское настолько пьяное, что я ничего не помню о вчерашнем вечере. Даже не помню, как добралась до постели.

– Не переживайте, Евдокия Ивановна! Вы были великолепны...

– Благодарю! А где ваша протезе? Её не было за завтраком.

– Софья Николаевна сама хозяйничает у себя в поместье. Видимо не захотела оставлять его надолго без присмотра.

– Может, ей нужна помощь? У меня очень деловой управляющий.

– Не стоит. Она прекрасно справляется, – Антон Андреевич даже испугался: Софье только участия княгини не хватало!

– Могу предложить ей свои платья. Их можно перешить.

– Только не это! Евдокия Ивановна, не оскорбляйте девушку, она может позволить себе купить новое платье. Не забывайте – она графиня.

– Да не волнуйтесь так! Аж покраснели...

– Ей есть, кому помочь, поверьте.

– Верю, – зло процедила княгиня, уселась в коляску и укатила домой.

Через пару дней Антон Андреевич уехал в Петербург. Оттуда он писал Софье письма. Иногда они были похожи на трактат по воспитанию молодых девиц. Тогда она смущалась, но не обижалась, ощущая в них тревогу и волнение за себя. Но чаще послания были очень нежные. Читая их, Софья счастливо улыбалась, целовала исписанный листок бумаги, а её сердечко билось чаще.

Однажды она заметила, что дворовая девушка чуть не каждый день меняет сарафаны.

– Ох, Дарья, смотрю, ты заневестилась.

– Что вы, барышня! Это подарки от княгини Евдокии Ивановны – вашей дальней соседки.

– С чего она взялась тебя одаривать?

– Не знаю! Но она и конюху нашему рубаху новую прислала.

– Почему мне ничего не сказали?

– Простите, барышня! Я подумала: вы о том знаете.

– Вот что... Все подарки вернуть. Скоро в городе ярмарка. Накупим там ситца да сатина и нашьём вам новых рубах и сарафанов.

– Спасибо. Только у нас всё есть.

– Тогда зачем брали?

– По глупости...

– Она сама приезжала?

– Нет. Слугу прислала.

– О чём просил?

– Просил узнать, пишет ли вам князь.

– И что?

– Мы, словечком не обмолвились.

– Так... Все письма – лично мне в руки. Поняла? И никому ни слова!

– Поняла, всё поняла...

– И ещё... Если тебе или кому-то из дворовых в моём имении жить не по нраву, то я уступлю вас Евдокии Ивановне.

– Простите! Простите меня! Что же я наделала... Вот дура-то, вот дура, – и Дарья, упав на колени, улилась горькими слезами.

Зимой пришли плохие новости. В Петербурге на Сенатской площади произошла попытка государственного переворота. Погибло больше тысячи человек, много народу было арестовано. Кто эти бунтовщики Софья не знала, но догадалась, что они выступили против царя. Иногда в письмах князь писал о несчастных крестьянах, замученных тяжёлым трудом на помещика, что неплохо бы их освободить, поскольку люди должны выбирать свою жизнь и своё счастье сами. Софья испугалась. Чтобы никак не навредить князю, она сожгла все его письма. Эти-то сожгла, а новые приходиться перестали, и графиня загрузила.

На масленицу поехала в уездный город и встретила там Евдокию Ивановну, которая сверкая глазами, радостно и торжественно заговорила с ней первая, будто специально поджидала:

- Ну что, Софья Николаевна! Как вам наш князь?
- Давно о нём не слышала, – поникшим голосом ответила девушка.
- Разве не знаете? Он арестован.
- Не может быть. За что?
- Бунтовщиком оказался.
- Не верю! Антон Андреевич – человек честный и благородный.
- Ваш благородный человек пошёл против власти.
- И что теперь будет?
- Будут судить и лишат дворянства.
- Ему можно как-то помочь?
- Наверяд ли...
- А что будет с его сыном?
- Сына забрали родственники.
- Жаль князя...
- Ещё бы! Его любимица осталась без протекции.
- Евдокия Ивановна, вы о чём?
- Не притворяйтесь, графиня! Теперь за вас вступиться будет некому.
- Разве мне что-то угрожает?
- Мало ли, – загадочно усмехнулась Евдокия Ивановна.

Встреча с ней Софью очень расстроила. Но хорошенько подумав, она решила: особо этой даме доверять нельзя. Вполне возможно, что по злобе или ревности она многое выдумала или просто сгустила краски. И чтобы узнать о князе наверняка Софья собралась и поехала в Петербург к его родственникам, оставив хозяйство на бабушку и деревенского старосту Матвея.

Её приезду родные князя нисколько не удивились, а даже обрадовались. В смутное время люди дорожат каждым добрым человеком, рады любой поддержке и помощи. Матушка Антона Андреевича была наслышана от него о Софье и, увидев девушку воочию, восхитилась её молодостью и смелостью. Запросто приехать к незнакомым людям решится не каждый. Значит, её Антоша этой девушке небезразличен.

- Софья Николаевна, мы и сами не знаем, что будет с князем. Скоро суд, тогда всё и прояснится, – без церемоний объяснила она.
- За что его арестовали? Разве Антон Андреевич был на той площади?
- К счастью нет. Князь в это время ездил по делам в Москву. Его арестовали позже.
- Тогда почему?
- Обвинили в вольнодумстве.
- Это преступление?
- Выходит, что так. Ещё было какое-то письмо. Обычный донос.
- От кого?
- Знать бы... По секрету подсказали, что почерк женский, и от письма ощущался запах дорогих духов.
- Понятно...
- Софья Николаевна, вы так молоды. Зачем вам мой сын?
- Я люблю его с детства.
- Простите! Но его могут отправить в Сибирь.
- Значит, поеду за ним.
- Мой сын всегда умел выбирать женщин, – с гордостью воскликнула матушка Антона Андреевича.

Дворня встретила Софью в слезах. Накануне умерла бабушка. И теперь девушка осталась совсем одна. После похорон последнего родного человека в её семье она серьёзно задумалась о себе...

Каждый день поутру она уходила к любимой речке и, сидя на бережку, складывала и вычитала все повороты своей сиротской судьбы. Насчёт князя ясности никакой. Да, она его любит и грезит только им. Но где он, что с ним? Она согласна поехать за любимым куда угодно, но как же её люди? Она за них в ответе. Они не должны быть привязаны к её жизни. Есть, правда, ещё один вариант – самый простой и надёжный. Можно выйти замуж. И женихи найдутся – только кликни. Пусть не очень богатые и не очень умные, пусть самые обычные! Но, чтобы родить детей, особого ума не надо, да и богатства тоже. А любовь? Многие живут без любви и даже счастливы.

Софья смотрела на воду и думала: «Течение реки мне хорошо видно! И справа, и слева, и далеко впереди, а вот, что произойдёт со мной через минуту – неизвестно». И как-то её грустные размышления прервала Дарья...

- Барышня, вам письмо.
- Письмо? – Софья напряглась, – откуда?
- Из Петербурга.
- Давай скорее!

Она вскрыла конверт. Письмо было от Антона Андреевича. У неё закружилась голова и задрожали руки. Князь писал:

«Здравствуйте, милая Софья Николаевна! Мне сообщили, что вы навестили мою матушку в Петербурге и спрашивали обо мне. Узнать об этом было для меня истинным счастьем. Я уже не надеялся на взаимность после той июльской ночи и вашего внезапного отъезда. Зато сейчас настолько рад, что даже приговор суда меня не огорчил. Кстати, он оказался не так суров, как я предполагал. На Сенатской площади я не был, но крамольные мысли в кругу знакомых и друзей высказывал. Этого оказалось достаточно. Кто-то на меня донёс. Кто конкретно – уже неважно. Я отделался некоторым сроком поселения в Сибири. Имение осталось за сыном, вернее за его опекунами. Теперь о самом главном! Дорогая Софьюшка! Если у вас хватит мужества, здоровья и желания, то приезжайте под Тобольск в деревеньку Берёзовка. Там обвенчаемся и будем жить до моего освобождения. Ведь я вас давно люблю. Но если моё предложение окажется вам не по силам или не по нраву, то я пойму и не обижусь. Ваш Антон Андреевич Северский».

Все мысли о предполагаемых женихах у Софьи тут же вылетели из головы!

«Глупая, – ругала она себя, – да как я могла подумать о счастье без Антона Андреевича! Получила от него весточку и сердце от радости готово выпрыгнуть из груди. Он меня любит, я давно это чувствовала, – Софья потрянула головой, будто сбрасывая наваждение, – а теперь о делах! Имение продам, вырученные деньги понадобятся на дорогу. Путь неблизкий, – она немного задумалась, но мысли уже чётко выстроились в последовательную цепочку, – как быть с людьми? Тем, кто пожелает, дам вольную. Кто захочет поехать со мной – пусть едут! Осталь-

ных придётся продать вместе с поместьем. Справлюсь ли? Должна справиться. Мне теперь ничего не страшно! Я не одна».

Евдокия Ивановна разузнала от своих слуг, что Софья задумала серьёзно изменить жизнь. Из Петербурга приходили новости о жёнах бунтовщиков, которые уезжали за ними в Сибирь.

«Уж не собирается ли туда и наша Софья? – думала она. – Если так, то надо прикупить её имение. Пусть небольшое, но доходное. Уж очень князь его нахваливал! За ценой графиня стоять не будет, а конкурентов я быстро отважу, объяснив, что с невестой бузотёра связываться не стоит – можно и неудовольствие властей на себя навлечь. Не зря же я старалась и то письмецо „подмётное“ в Сенат настрочила. Ведь оно дошло, и мне поверили! Правильно сделали. Больно много болтал и любил не тех... Мы же с ним ровесники – нам по сорок. Он первый, в кого я влюбилась и надеялась стать ему женой. А он выбрал Лизку – великосветскую красавицу! Я тогда назло князю замуж за старика выскочила. Муженёк мой быстренько от „хорошей“ жизни в могилу запросился. И осталась я богатой вдовой. Лизка тоже прожила недолго – при родах умерла. У меня опять появился шанс – стать женою князя. Только он на меня не смотрел... И вдруг откуда не возьмись – Софья! Девчонка совсем, а князя в оборот крепко взяла. Ладно – пусть! Но её поместье я не упущу... В качестве компенсации».

Вместе с Софьей согласились ехать кучер с женой, да Дарья с женихом – деревенским знахарем. Василий знал грамоту, а ещё хорошо разбирался в травах, и не единожды брался лечить крестьян. Местный доктор даже удивлялся, насколько верно простой парень мог определить болезнь.

На вольные хлеба подались только двое. Мужики были из дворовых. Один умел тачать сапоги, другой клал знатные печки, а потому оба надеялись, что в городе не пропадут. Остальные крестьяне побоялись покинуть имение...

– Софья Николавна, ты за нас не думай. Езжай с богом! Мы привычные к работе на земле и ничего другого не умеем, – успокаивал её деревенский староста.

– Боюсь, что новая хозяйка вам не понравится. Говорят, что больно строга с крепостными. Вы же батогов пока не пробовали!

– Барыня! И про это не беспокойся. Бог не выдаст, свинья не съест!

– Странно, что других покупателей на моё имение не нашлось.

– Так люди говорят, будто княгиня всех в округе запугала. Дескать, опасная ты у нас, Софья Николаевна.

– Чем же я опасная?

– А зачем так далёко едешь? Да ты не волнуйся. Мы тебя не выдадим. А с княгиней, ежели за батог возьмётся, разговор будет короткий.

– Ох, Матвей! Она – дама злобная. Найдёт управу на кого угодно.

– Да и мы не лыком шиты. Можем петуха пустить, а можем в леса податься.

– Так едем со мной!

– Нет, барыня! Останемся пока. У меня жёнка на сносях, у Егорки тоже. Ты поезжай, а мы поглядим на новую хозяйку...

- Я вам денег немного оставлю.
- За деньги спасибо! Не откажемся.
- Матвей! Очень прошу – не подведи меня.
- Уж я не подведу.
- Ладно, тогда буду укладываться.
- Вот-вот! Укладывайся, Софья Николаевна, укладывайся...

Через пару недель три гружёных подводы с людьми и самыми необходимыми вещами отправились в далёкое путешествие по России. Везли тёплую одежду, солонину, копчёных гусей, хлеб и книги.

Евдокия Ивановна отъезд Софьи проглядела и примчалась в деревню со своим управляющим только через день. В имении её никто не встретил. В доме было чисто и пусто.

- Где люди? Где староста? – кричала она.
- Поди, в поле, – успокаивал её управляющий.
- Урожай убран. В поле делать нечего. Хочу видеть своих людей сию минуту!
- Хорошо, барыня! Сейчас всех пригоню.

И началась для бывших крепостных графини Быстровой другая жизнь, когда на собственной шкуре они испытали «любовь» новой госпожи.

Софья с обозом добралась до Антона Андреевича через три месяца. Он жил в обычной крестьянской избе, но графиня знала куда едет и на большее не рассчитывала. На оставшиеся от поездки деньги они купили лес и по весне стали строить новый большой дом, в котором места хватило бы всем.

Сразу, по приезду, обвенчались, и через год у них родилась девочка. Антон Андреевич был этому событию очень рад. Иногда он вспоминал прошлое и удивлялся, что совершенно не скучает по роскошной жизни. «Сколько в ней лишнего, – думал он, – оказывается можно обойтись малым и быть вполне счастливым. Жаль, что рядом нет сына. Придёт время, и я обязательно познакомлю его с сестрой».

Матушка Антона Андреевича не осталась безучастной к судьбе молодожёнов и прислала им в подарок крупную сумму денег. Их хватило надолго. Часть пошла на строительство небольшой больницы, где лекарем служил Василий. Ему как раз пригодились книги по медицине взятые с собой Софьей Николаевной. Сама она тоже праздную жизнь не вела, и с удовольствием обучала деревенских ребятишек грамоте. У Дарьи с Василием родился мальчик. Они никогда не пожалели, что поехали вместе с барыней в этот далёкий край, и Софья была им за это очень благодарна.

P.S. Через пару лет, после описанных выше событий, в деревню Берёзовка, что под Тобольском, на вольное поселение прибыла партия ссыльных. Их было шестнадцать человек: мужчины, женщины и их дети. Конвоир утверждал, что это беглые крестьяне из бывшего имения Софьи Николаевны Быстровой. Они слёзно упростили начальство направить их именно

в эту деревню к своей молодой хозяйке. По дороге вели себя пристойно, всячески помогали конвойным и даже их подкармливали.

Курсистка и городской

– Надоела, зараза! Который день круги наяривает... Или уже в филёрши заделалась, – ворчал на большую орастую ворону молодой и очень симпатичный городской и от души пригрозил, – только нахезай на мой мундир! Застрелю гадину! Не посмотрю, что место людное...

Уж чем он заинтересовал эту старую склочницу, в толк взять не мог, но ворона уже несколько дней кряду встречала его у ворот и провожала до участка, а потом кружила над ним, сопровождая в делах по городу.

Это был приятный весенний вечер. Он возвращался после службы домой и встретил Нину – молоденькую хорошенькую курсистку, которую знал ещё маленькой девочкой. И тут же краем глаза отметил, что летучая преследовательница уселась на тополь, прекратила каркать и продолжила наблюдение за приглянувшимся объектом.

«Точно филёрша», – усмехнулся городской, решив, что эту ворону, видимо, выдрессировали и научили слежке. Только он-то причём? С каким-нибудь революционно настроенным студентом спутала?

– Всё хорошеешь? – переведя взгляд с птицы на девушку, запросто, как давнишней знакомой, сказал он.

– Смеётесь, Николай Петрович? – смутилась Нина.

– Почему? Я вполне серьёзно! С каждым годом всё краше и краше становишься, – с теплотой в голосе продолжил он рассыпаться в комплиментах.

– А что жениться обещали, забыли? – улыбнулась она.

– Не забыл, – Николай вздохнул, – так жизнь сложилась. Прости, Нина! Как вернулся с японской войны, предложили пойти в городские. Семейные для этой работы подходили больше. Вот и женился!

– А я вам верила! – не то пошутила, не то укорила Нина.

– Ты же тогда маленькая была!

– И матушка ваша по голове меня гладила, невестушкой называла. Помните?

– Помню. Матушка умерла.

– Знаю. Значит, я разонравилась?

– Нет! Ты мне всегда нравилась. На ангелочка походила. Просто росла долго.

– Росла как все. Зато теперь у вас жена, ребёнок.

– Вот что! – сменил тему Николай, – завтра не ходи никуда.

– А как же курсы?

– Скажись больной, побудь дома. Студенты опять митинговать собираются. Ты же не с ними?

– А вдруг? – девушка отвела глаза в сторону.

– Нина! Я тебе добра желаю. Угодишь в тюрьму, а после на каторгу загремишь. Этого хочешь?

– Студенты люди интересные и про будущее рассуждают красиво.

– Испортят жизнь и бросят, – ревниво проговорил городской. – Я предупредил.

– Спасибо, Николай Петрович! Всего хорошего! – попрощалась девушка.

И тут же ворона опять напомнила о себе, каркнув и перелетев на ветку выше.

Та история с Ниной у Николая приключилась давно, была трогательной, при воспоминании которой на душе его делалось легко и радостно...

Его должны были «забрить» в солдаты и отправить воевать с японцами, а потому перед отъездом он решил нагуляться с друзьями и подругами в удовольствие. Как-то вечером у ворот своего дома он заметил девушку лет семи-восьми, очень миленькую, одетую в белое праздничное платье и обутую в красные башмачки. Соломенная шляпка с красным цветком, из-под которой выбивались светлые локоны, дополняла наряд. Девочку держала за руку его матушка и улыбалась. Да и как было не улыбнуться маленькому чуду, случайно оказавшемуся у их скромного жилища.

- Вы откуда, прелестное создание? – воскликнул Николай.
- Сбежала от няни.
- Зачем же вы это сделали, милая барышня?
- Она скучная и не понимает моих вопросов.
- Вероятно, она вас ищет?
- Пусть ищет! – улыбнулась незнакомка и спросила, – вы студент?
- Нет. Я скоро стану солдатом и уйду на войну.
- Жаль. Мне нравятся студенты.
- Вон оно что! – Николай засмеялся.
- У меня есть книжка в картинках. Там нарисован королевич Елисей, у него такие же длинные и светлые волосы, как ваши.
- Волосы мои скоро обреют, и меня сразу перестанут любить девушки.
- Я бы не перестала. Станьте моим Елисеем!
- Согласен. Только не усните надолго и дождитесь меня с войны!
- Ни за что не усну.
- Договорились. Я подожду, когда моя царевна подрастёт, и тогда женюсь на ней.
- Надеюсь, что вы умеете держать слово, – со значением сказал ангелочек.
- Не морочь девочке голову! – вступила в беседу между молодыми людьми матушка Николая. – Отведу-ка я домой свою «невестушку». Поди, родители ребёнка обыскались.
- Живут далеко? – спросил Николай.
- Через квартал. Они недавно переехали, – ответила матушка.
- Как зовут сбежавшую царевну?
- Нина, – девушка смущённо опустила глазки.
- Прощайте, Нина!
- До свидания, Елисей!
- Я Николай, – парень улыбнулся.
- Для меня – Елисей.

После этого случая, встретившись на улице, они легонько кланялись друг другу и улыбались кончиками губ, храня тайну своей негласной «помолвки». Нина всегда помнила их разговор и надеялась, что когда-нибудь сказка сбудется. А Николай, даже женившись, в душе лелеял образ маленькой царевны.

Конечно, Нина не прислушалась к предупреждению городского и на другой день с утра пораньше отправилась на квартиру Афанасия – главного зачинщика студенческой демонстрации, чтобы рассказать о готовившемся отпоре жандармов. Она была у него уже несколько раз, слушала зажигательные речи о революционной борьбе мирового пролетариата за счастливую жизнь трудового народа и верила каждому слову молодого оратора. Видя царящую вокруг несправедливость и недовольство простых людей, она желала стать участницей будущих перемен, хотя жила в семье обеспеченной и ни в чём не нуждалась.

Афанасий был немало удивлён раннему визиту Нины, но в то же время польщён, что смог красивую и интересную девушку привлечь к делу всей своей жизни. Выслушав её, он криво усмехнулся:

– Спасибо за неравнодушие! Но мы знаем о готовности власти с нами воевать. Сегодняшнее выступление скорее проверка для наших товарищей – кто из них сможет пойти до конца.

– Простите. Помогаю, чем могу, – Нина смутилась, – я не навязываюсь.

– Вы не поняли, Нина! Вы с нами, и это замечательно! – молодой человек догадался, что неловкой усмешкой её обидел. – Хотите чаю?

– Благодарю! Я завтракала. Пойду к скверу, где назначен общий сбор, – чувствуя неловкость, Нина попыталась уйти.

– Не торопитесь! – Афанасию не хотелось отпускать курсистку от себя. Она такая милая, уютная, от неё всегда пахнет хорошими духами и тихим семейным счастьем. И чего ей не хватает? Может дружеского участия? Так он готов...

Помимо воли и, забыв о своём предназначении революционера, он положил руки на плечи утренней гостьи, посмотрел прямо в глаза и негромко, но очень нежно попросил:

– Останься...

– Нет! – Нина отшатнулась и тихонько повторила, – нет!

– Мы успеем. Не переживай!

– Я пришла просто предупредить, – заикаясь, проговорила девушка.

– Дурочка! В этом нет ничего плохого. Останься. Тебе понравится, – Афанасий обхватил её за талию.

– Я сказала – нет! – пытаясь высвободиться, громко и отчётливо повторила Нина.

– Потом пожалеешь...

– Никогда!

– Ну, иди, иди! – неожиданно грубо и с раздражением проговорил молодой революционер и отпустил юную соратницу по борьбе.

В городском сквере, куда подошла Нина, уже собралось немало молодёжи, возбуждённо обсуждающей запланированное мероприятие. Подавленное настроение, после утреннего визита к Афанасию, Нина попыталась скрыть от подруг и это у неё получилось. Она улыбалась, как многие вокруг, надеясь, что недоразумение, произошедшее между ней и студенческим лидером, рассосётся само по себе. О том, что власти в курсе сегодняшней демонстрации, она никому больше не сказала, не желая повторно выставить себя знающей больше других.

Но очень скоро смех и улыбки с лиц парней и девушек стали пропадать, поскольку сквер постепенно окружали жандармы, перекрывая выходы к улицам. Демонстранты осознали всю

серьёзность своего положения: их заперли в капкан. Нина постоянно оглядывалась вокруг, ища взглядом Афанасия, но его нигде не было... Ведь именно он должен был дать команду собравшимся, чтобы предотвратить неприятные эксцессы, а возможно кровопролитие.

«Неужели струсил или всех предал? – мелькнуло в голове у Нины. – Хороша проверка! Других под удар подставлять! А хотел меня оставить у себя... Странно!»

Потом жандармы, не торопясь, взяли студентов в плотное кольцо, и стали выхватывать из него кричавших: «Долой самодержавие» и «Свобода, равенство, братство!», а ещё тех, кто бросал в них камни. Здоровые дядьки, не стесняясь, пускали в ход кулаки и волочили тщедушных молодых людей за руки и за ноги.

Страх Нина не ощущала, но то, что происходило вокруг, ей очень не нравилось. Одно дело слушать страстные речи о борьбе за счастье народа и петь Марсельезу, но совсем другое стать непосредственной участницей этой борьбы.

И тут она заметила, что прямо на неё идёт мордатый жандарм. Он грубо схватил курсистку и потащил к группе задержанных студентов. Девушка не сопротивлялась, но стражник всё равно старался побольнее сдавить ей руку.

А после случилось неожиданное...

Её отпустили, и позади себя она услышала знакомый голос:

– Я сам с ней разберусь! Отведу в участок.

И Нина увидела Николая... Слегка приобняв, он вывел её из сквера, затем остановил проезжающую мимо пролётку и отвёз подальше от митингующих.

Они молча шли по красивому цветущему бульвару. Со стороны казалось: идёт влюблённая пара! Он – красавец городской, она – юная курсистка.

– Присядем, – сказал Николай, указав на ближайшую скамеечку.

И тут же прямо над ними раздалось знакомое карканье. Николай глянул на ворону и показал кулак.

– Вас из-за меня накажут? – спросила Нина, улыбнувшись жесту стража порядка.

– Ты и впрямь как царица! Переживаешь за весь человеческий род.

– Разве это неправильно?

– Нормальные люди больше думают о себе.

– Уж так меня воспитали.

– Почему не послушалась? Зачем не осталась дома? Чего тебе ещё в этой жизни не хватает? – сыпал вопросами Николай. – Отец твой человек достойный. Врач. Ты девушка неглупая, любишь книги, музыку, хорошо рисуешь!

– Надо же! Вы всё обо мне знаете...

– По статусу положено.

– Нельзя думать только о себе, – уже без всякого энтузиазма попыталась оправдаться Нина.

– Тогда учи грамоте тех же рабочих или их детей. Делай что-то стоящее!

– Я подумаю.

– Подумай! Мой братишка тоже повёлся на речи ваших говорунов, но получив пару раз нагайкой, отправился к тётке в деревню хлеб растить.

– Вот женились бы на мне, я бы дома сидела и о революции не думала.

– Ох, Нина! Смотрю, ты из огня да в полымя!

– Это была шутка, – грустно прошептала она.

– Иди домой! Если тебя твои друзья не сдадут, то всё обойдётся.

– Спасибо, Елисей! Только... Жизнь может измениться, – Нина улыбнулась, намекнув на их первую встречу и волнения в народе.

– Что дальше – нам не ведомо, – тяжело вздохнув, Николай проводил взглядом уходящую девушку и вдруг почувствовал прилетевший сверху тяжёлый шлепок на начищенном до блеска сапоге. – Вот, поганка! Нахезала всё-таки! – сказал почему-то с удивлением.

Красавец городской вытащил из кобуры револьвер, не целясь, выстрелил в поганку и... Не попал.

– Ладно! Живи пока, – усмехнулся он, носовым платком обтёр с сапога вороний помёт и пошёл дальше служить царю и отечеству.

...Скоро началась война с немцами, потом случилась революция, за ней октябрьский переворот и ещё одна страшная война, когда убивали не чужого, а свой своего. За что и зачем – понимали единицы, остальные просто шли за вождями, выполняя приказы от страха или безысходности, теряя кров и родных.

Они встретились в Париже...

Кого только не было в богемном квартале Монпарнас: художники, поэты, музыканты, просто студенты, русские эмигранты и буржуа. Здесь жили те, кто творил и продавал своё творчество, а также те, кто его покупал. Здесь становились знаменитыми и погибали от непризнания, а ещё в этом месте можно было снять жильё на любой кошелёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.